Д
251

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY

ALUSTATUD 1893. a. VIHIK 251 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ XV

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ТАРТУ 1970

«СОВРЕМЕННИК» И «РУССКОЕ СЛОВО» ПЕРЕД «РАСКОЛОМ В НИГИЛИСТАХ»

П. С. Рейфман

В 1864 г. между двумя главными революционно-демократическими изданиями, «Современником» и «Русским словом», начинается ожесточенная полемика, так называемый «раскол в нигилистах». Этими словами характеризовал полемику Ф. М. Достоевский в статье «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах», направленной против Салтыкова-Щедрина и «Современника».[1] В статье с удовлетворением отмечались разногласия в лагере революционно-демократической журналистики. Формула «раскол в нигилистах» была употреблена для характеристики такого рода разногласий еще до Достоевского. Ее применил в «Отечественных записках»[2] А. В. Эвальд, в связи с различными оценками «Современником» и «Современным словом» комедии Ф. Н. Устрялова «Слово и дело». Эвальд с злорадством отмечал разноречивость отзывов, называя ее «расколом в нигилистах»[3]. Его формула была повторена позднее Достоевским, отнесшим ее к другим, более принципиальным и серьезным разногласиям.

О «расколе в нигилистах» писали многие.[4] В ряде исследований подробно разработаны точки зрения спорящих сторон, приведено большое количество ценного и интересного материала о полемике. Не раз говорилось об обстановке, породившей ее, о причинах спора и т. п. Тем не менее нельзя считать, что проблема решена окончательно. До последнего времени о «расколе в нигилистах» высказываются разные, нередко исключающие друг друга, точки зрения. Спор о том, кто прав, который вели более

---

[1] «Эпоха», 1864, № 5.

[2] 1863, № 2, Современная хроника, стр. 205, 207.

[3] П. С. Рейфман, Демократическая газета «Современное слово», Ученые записки ТГУ, вып. 121, Тарту, 1962, стр. 24—26.

[4] Краткий обзор основной литературы о «расколе в нигилистах» см., например, в примечаниях к «Нашей общественной жизни» /М. Е. Салтыков-Щедрин, Собр. соч., т. 6, М., 1968, стр. 640—641. В дальнейшем: Салтыков, Собр. соч.

ста лет тому назад «Современник» и «Русское слово», как бы продолжается в преобразованном виде до сих пор. Одни исследователи (большей частью они занимаются изучением творчества Салтыкова-Щедрина, Антоновича, анализом содержания «Современника») считают, что ошибалось, в первую очередь, «Русское слово», его сотрудники. Большинство же изучающих «Русское слово», деятельность Писарева, Зайцева основную вину возлагают на сотрудников «Современника». И так как роль Салтыкова-Щедрина и Писарева современным литературоведением в достаточной степени определена, то ответственными за «раскол» оказываются, главным образом, Антонович или Зайцев, в зависимости от точки зрения исследователя. Впрочем, иногда говорится и о противоречивости позиции Писарева. В последние годы, в связи с вопросом о полемике, указываются и противоречия во взглядах Салтыкова-Щедрина.[5] Так, например, в исследованиях В. Я. Кирпотина, С. С. Борщевского, В. Е. Евгеньева-Максимова главная вина возлагается на лагерь «Русского слова»[6]. Противоположная точка зрения наиболее отчетливо выражена в последнее время Ф. Ф. Кузнецовым[7]. Последний старается доказать, что редактор «Русского слова» Благосветлов, его сотрудники, Писарев, Зайцев и др., выступали в полемике как последовательные революционные демократы, а Салтыков-Щедрин еще не стал революционером (это произойдет позднее); в его высказываниях, в позиции «Современника» Кузнецов усматривает ясно заметные либеральные тенденции; «Современник» «будучи правым в частных вопросах, в споре по основному, кардинальному вопросу <...> оказался явно несостоятельным».

«Но можно ли поставить знак равенства между мировоззрением Чернышевского и мировоззрением Щедрина 60-х годов при всей общности взглядов того и другого? Можно ли отождествлять мировоззрение Щедрина 60-х годов с мировозрением Щедрина 70—80-х годов?» — задает вопрос Кузнецов[8]. Отрицательный ответ на такой вопрос, по мнению автора, должен свидетельствовать о том, что Щедрин не стал еще революционным демократом и в споре с «Русским словом» был не прав. Кузнецов приводит, между прочим, как пример либеральных тенденций,

---

[5] О неправомерности таких односторонних обвинений см.: Е. Покусаев, Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы, Саратов, 1957, стр. 219—221.

[6] В. Кирпотин, М. Е. Салтыков-Щедрин, М., 1948; С. Борщевский, Раскол в нигилистах, в кн.: «Щедрин и Достоевский. История их идейной борьбы», М., 1956; В. Евгеньев-Максимов, Г. Тизенгаузен, Последние годы «Современника», Л., 1939.

[7] Ф. Кузнецов, Журнал «Русское слово», М., 1965.

[8] Там же, стр. 280.

как «самое слабое место в позиции Щедрина»[9] отклик сатирика на роман Чернышевского «Что делать?» Но, если исходить из таких предпосылок, придется вообще снять вопрос о революционном демократизме Щедрина, так как аналогичные оценки романа «Что делать?» встречаются у Щедрина и позднее, вплоть до 80-х годов[10]. В данном конкретном случае на риторический вопрос Кузнецова, о котором шла речь выше, можно было бы ответить: «самое слабое место» в позиции Щедрина осталось без изменений.

Положения, выдвинутые Кузнецовым, были подвергнуты справедливой критике в статье Л. Я. Лифшица, в книге Л. Э. Варустина.[11] Последний, в частности, указывает на преувеличение Кузнецовым революционности Благосветлова, говорит о противоречивости обеих сторон в полемике.[12] Но подробно «раскол в нигилистах» ни Лифшиц, ни Варустин не анализируют.

Думается, что вообще неправомерно оценивать полемику между «Современником» и «Русским словом» с точки зрения «поисков виновных», на какую бы из сторон ни возлагалась ответственность. Вряд ли правомерным представляются и сопоставления того или другого писателя, журнала с «Современником» Чернышевского и Добролюбова как с эталоном революционного демократизма, когда всякое несоответствие этому эталону объявляется шагом назад, либеральными колебаниями, отходом от революционного демократизма. Сравнение демократической мысли 1863—1866 гг. и более раннего периода, конечно, необходимо (как необходимы и другие сопоставления), но не для того, чтобы выделить «правых» и «неправых», а чтобы понять своеобразие этой мысли на каждом этапе ее развития. При таком подходе вопрос о том, кто более «виноват» в полемике, «Русское слово» или «Современник», может потерять свою остроту. Может оказаться, что не личные качества, сильные стороны и недостатки, Зайцева или Антоновича, Щедрина или Писарева определяли причину полемики, ее возникновение (хотя, несомненно, личные особенности участников полемики накладывали на нее определенный отпечаток), что вряд ли можно утверждать, будто бы при Чернышевском и Добролюбове полемика не состоялась бы или имела бы принципиально иной характер. Ведь в 1862 г. сотрудничество в «Современнике» Чернышевского не помешало

---

[9] Там же, стр. 302.

[10] См. письмо к Е. И. Утину от 2-го января 1881 г., Н. Щедрин (М. Е. Салтыков), Полн. собр. соч., т. XIX, М., 1939, стр. 185—186; воспоминания С. Н. Кривенко, в кн.: «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», М., 1957, стр. 273.

[11] Л. Я. Лифшиц, Путь Рахметова или дорога Шалимова, «Филологические науки» 1963, № 3; Л. Э. Варустин, Журнал «Русское слово». 1859—1866, Л., 1966.

[12] Варустин, стр. 46, 199—200.

публикации статьи Антоновича «Асмодей нашего времени». Ведь Некрасов в качестве редактора, а Салтыков-Щедрин в качестве идейного руководителя «Современника» должны были, казалось, обезопасить журнал от непродуманных решений. И, если полемика все же началась, то причины ее, видимо, вовсе не в индивидуальных особенностях сотрудников «Русского слова» и «Современника».

Причины «раскола в нигилистах» определяются своеобразием развития русской революционно-демократической мысли время расправиться с освободительным движением, революционно-демократическая мысль в России, не теряя своих основных качеств, позволяющих утверждать, что речь идет именно о революционном демократизме, приобретает ряд особенностей, отличающих ее от революционно-демократической идеологии предшествующего периода. Для более точного понимания явлений следует, говоря о революционном демократизме, учитывать его своеобразие на каждом этапе развития, определяемом особенностями времени.

В отличие от деятелей периода революционной ситуации, революционные демократы периода наступления реакции поняли, что надежды на близкую революцию не оправдались. Стала ясна ненадежность общества в реакционную эпоху, противоречивость крестьянства, его слабые стороны. Правительству удалось на время расправиться с освободительным движением, революционный народ как бы исчезает с исторической сцены. Возникает необходимость осмыслить эти исторические уроки, разобраться в них, понять, почему победила реакция, почему революция потерпела поражение. В свете осмысления этих уроков происходит переоценка своей позиции, пересматривается ряд положений, начинаются поиски новых путей, новой тактики, при сохранении прежнего революционно-демократического идеала. Такая переоценка — процесс сложный и болезненный. Трудно было не потерять надежду, сохранить перспективу, когда сама жизнь не давала возможности найти реальные пути выхода из тупика. После 1862 г. можно в известной степени говорить о кризисе всей революционно-демократической мысли в России середины 60-х гг. XIX в. Об этом справедливо писал исследователь А. А. Лебедев. В его книге «Герои Чернышевского» речь идет о кризисе «всей передовой общественной мысли», кризисе «революционной теории в России»[13]. Этот кризис можно проследить в творчестве Чернышевского, в «Прологе» (рассуждения Волгина о «нации рабов», неверие его в близкую революцию, сцена с бурлаками и будочником). Он явственно ощущается в первоначальном замысле поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» (счастлив лишь пьяница), в его стихотворениях «Над-

[13] А. Лебедев, Герои Чернышевского, М., 1962, стр. 251.

рывается сердце от муки...», «Литература с трескучими фразами...» и т. п. Этот кризис заметен и в повести Слепцова «Трудное время», в его рассказах. Вне учета кризиса «всей передовой общественной мысли» нельзя понять и творчества Щедрина, его «глуповцев», и статей Писарева 1863—1865 гг., и многого другого.

Но, отмечая этот кризис, следует отчетливо понимать, что слово «кризис» обозначает не только слабость и «ухудшение» предшествующей традиции. Победа реакции привела революционных демократов к некоторой потере ясности перспектив движения, к крушению надежд на близкую народную революцию, к осознанию трагичности своего положения. В то же время возникает стремление преодолеть просветительский утопизм, некоторую схематичность и прямолинейность своих предшественников. Новая обстановка позволила более трезво разобраться в противоречивости крестьянских масс, понять не только их силу, но и слабость, пассивность, общественную инертность. В такой обстановке само крушение надежд, ощущение трагичности, отсутствие четких положительных выводов означали не только слабость, но и силу, свидетельствовали о понимании несостоятельности выводов иллюзорных, о нежелании довольствоваться ими. В этом плане революционно-демократическое мировоззрение периода нереволюционной ситуации, менее оптимистичное, чем прежде, было в известном смысле шагом вперед от оптимизма, не осознающего всей сложности и противоречивости явлений, к оптимизму более глубокому, характерному для марксизма.

Мрачность оценок настоящего, ближайших перспектив не означала отказа от веры в далекое счастливое будущее, от борьбы за него. Речь шла о пересмотре форм борьбы, а не об отказе от идеалов.

Сложные и противоречивые поиски, неясность перспектив, новых путей, когда старые оказались несостоятельными, определяют и сущность полемики между «Современником» и «Русским словом».

Возникает различное понимание путей, ведущих к конечной общей цели, рекомендуется различная тактика, предлагаемая для практической деятельности. Оба издания сохраняют много общего, что позволяет относить их к одному, революционно-демократическому лагерю. И для «Современника», и для «Русского слова», как и в предшествующий период, характерно резкое, непримиримое отрицание коренных основ общественно-государственного устройства царской России, неприятие пореформенной действительности, преобразований, проводимых правительством, либеральной идеологии, политики полумер, буржуазного общества. Для обоих определяющей является защита интересов народа, осуждение всяческих сделок с самодержавием за счет народа, признание необходимости радикальных изменений, вера в об-

щественный порядок, который соответствует потребностям человека и человечества. И «Современник», и «Русское слово» признают необходимость борьбы за такой порядок, понимают, что выход из тупика следует искать на путях общественно-социальных, а не религиозно-этических. Все перечисленное не имело ничего общего с тенденциями либерализма, противостояло ему, служило продолжением традиций «Современника» Чернышевского и Добролюбова. Но в новой обстановке оба издания, видя, что надежд на близкую революцию нет, снимают вопрос о ней с практической повести дня. Обе редакции видят слабость общества в реакционную эпоху, темные стороны крестьянства, его пассивность, покорность, отсутствие революционного народа, поворот многих вчерашних «свободолюбцев» вправо. И «Современник», и «Русское слово» пытаются осмыслить уроки действительности. Больше внимания, особенно в «Современнике», уделяется изучению слабостей народа. Это должно помочь понять причины поражения и наметить новые пути деятельности. Поиски новых путей действия становятся одной из главных задач обеих редакций. Эти поиски и в том и в другом случае не увенчиваются успехом: сама действительность не позволяет найти выход, наметить реальный путь практического действия, соответствующего революционно-демократическим идеалам. Отсюда вытекает ощущение трагизма, довольно мрачная оценка близких перспектив. Но вера в социалистический идеал сохраняется и в «Современнике», и в «Русском слове». Сохраняются и материалистические убеждения, нетерпимость к произволу. Такие, определенные обстановкой, особенности свидетельствуют о новых тенденциях, отличающих оба журнала от «Современника» предшествующего периода. Но и эти особенности характерны для обоих журналов.

Однако, намечаются и существенные разногласия. Размышления о причинах торжества реакции, о путях преодоления ее привели сотрудников «Русского слова» к выводу о первостепенной важности вопросов естественно-научных, социально-экономических, о важности их разработки. Основные надежды редакция возлагает на демократическую интеллигенцию, которая, тем или иным способом, постепенно, в далеком будущем обеспечит коренное изменение действительности, на увеличение числа «мыслящих пролетариев», на развитие науки. Эти надежды в какой-то степени определялись разочарованием в народе, в его способности к революционному действию, к преобразованию действительности, недооценкой потенциальных революционных возможностей русского крестьянства, некоторым пренебрежением к проблемам общественно-политическим. Вопрос о народе снимается или ставится в определенной плоскости, свидетельствующей о несостоятельности народных движений. Даже о недостатках народа говорится сравнительно мало, и Щедрин критикуется за «обличение» «глуповцев». С точки зрения редакции «Русского

TRÜ Raamatukogu

слова», такое обличение совершенно бесполезно. На первый взгляд может показаться, что ряд положений, сформулированных редакцией «Русского слова», отражает ее отход от революционного демократизма к либеральной идеологии, к мирному просветительству, к увлечению теориями «постепенности», «чистой науки», свидетельствует об измене прежним традициям, народу, компрометирует своими крайностями идеи демократического лагеря. Именно так воспринимала эти положения редакция «Современника», справедливо указывая на слабые стороны журнала Благосветлова, но неправомерно истолковывая противоречия «Русского слова». Действительно, в позиции Благосветлова и его сотрудников имелись слабые стороны (недооценка потенциальных возможностей народа, общественно-политических проблем, преувеличение роли естественных наук, разночинной интеллигенции). Но было в ней и много сильных сторон — в первую очередь, понимание огромной роли социально-экономических факторов, вера в будущее, в идеи утопического социализма. Основное содержание журнала, как указывалось выше, определялось не слабыми сторонами. И не к либерализму, а к революционному народничеству тянулись нити от «Русского слова», с его вниманием к «мыслящей личности», к экономике, с его противопоставлением массы и героев. Думается, будущее развитие тенденций «Русского слова» одинаково ошибочно связывать и с буржуазным либерализмом, и с марксизмом.

По иному пути шли поиски редакции «Современника». Сознавая темные стороны современного «исторического народа», его слабости, определившие победу реакции, видя утопичность надежд на близкую народную революцию, редакция «Современника» понимала и несостоятельность позиции безнародности. Она сохранила веру в народ, в его потенциальные возможности, в необходимость работы не только для народа, но и в народе, и с народом. Для редакции «Современника» характерна тяга к практической деятельности, связанной с массами, с постепенным разъяснением им порочности существующего порядка. Все это определяло внимание к проблеме народа, в том числе к вопросу об его недостатках, слабостях. Характерно, что вопрос о недостатках народа занимал в «Современнике», сохранившем веру в народ, гораздо более места, чем в «Русском слове», эту веру в значительной степени утратившем. Но цели обращения к теме слабостей народа у «Современника» и «Русского слова» были совершенно различны. Последнее обращалось к этой теме, чтобы доказать иллюзорность надежд на народную инициативу, первый же стремился разобраться в слабостях народа, чтобы найти пути их преодоления.

Для редакции «Современника» характерно и сильное, не совсем безосновательное разочарование в части разночинной интеллигенции, оказавшейся нестойкой в трудных условиях наступаю-

щей реакции. Ведь и на самом деле многие вчерашние «нигилисты» превращались сегодня в благонамеренных обывателей, студенты, совсем недавно возмущавшиеся произволом властей, посылали верноподданнические заявления в связи с событиями в Польше и т. п. Становится очевидным, что значительная часть общества резко поворачивает вправо. В свете этих событий можно вполне понять разочарование редакции «Современника». На это разочарование наслаивалось недовольство теоретичностью, абстрактным утопизмом, столь характерное для Щедрина, начиная с его ранних произведений (образы Звонского, Беобахтера в «Запутанном деле»), стремление к преодолению разрыва между теорией и практикой, к практическому общественному делу, пусть самому маленькому, но делу. Это дело осмысливалось в «Современнике» как всегда связанное с народом, с изменением его облика, с пробуждением его самодеятельности, активности, как ведущее, в конечном итоге, к достижению революционно-демократического идеала. Именно в народе, в его действиях (хотя неясно, подразумевает ли писатель *революционные* действия) видит Щедрин залог счастливого будущего. «Современник», как и «Русское слово», в это время ведет речь о неблизких, постепенных изменениях, но связывает их с деятельностью народа и в народе. Признавая важность социально-экономических проблем, уделяя им на страницах «Современника» довольно большое внимание, редакция продолжает сохранять интерес к вопросам общественно-политическим. Такая позиция тоже имела свои слабые стороны. Она могла показаться отходом от революционно-демократического идеала к либерализму, к примирению с существующим, к теории «малых дел», к восхвалению административного служения. Так и воспринималась она сотрудниками «Русского слова». Но и в «Современнике», как и в «Русском слове», на самом деле речь шла не об изменении прежних революционно-демократических идеалов, а о новой тактике, при помощи которой эти идеалы могут быть достигнуты. Тенденции «Современника», как и «Русского слова», хотя по-иному, вели к народничеству 70-х гг., с его сильными сторонами и противоречиями.

В ходе полемики, которая велась в крайне резком тоне, противники высказали в адрес друг друга немало несправедливых обвинений. И та и другая точка зрения в целом не намечала правильного решения, хотя в направлении поисков и «Русского слова», и «Современника» было много верного и прогрессивного. Но дело в том, что сама действительность не давала оснований для таких решений. Осознавая кризис, в котором находилась революционно-демократическая мысль, стремясь преодолеть его без отказа от революционных идеалов, редакции обоих журналов не могли указать истинного пути выхода из кризиса. И это была не их вина. Характеризуя эпоху, говоря о позиции Щедрина периода наступления реакции, Луначарский писал о «страшных

противоречиях», которые были порождены жизнью и в которых «путался ум Щедрина». Но, отмечая эти противоречия, противоречия «осужденности безвременья», Луначарский утверждал: «Подло было бы с нашей стороны упрекать их в том, что во взволнованных и волнующих поисках выхода из этой трагедии, самой страшной социально-психологической трагедии, какая только возможна на земном шаре, они делали иногда ошибки».[14] Эти слова можно отнести не только к Щедрину, но и ко всем русским революционным демократам периода наступления реакции. Именно «поиски выхода» из безвыходного в то время положения определили и силу, и слабость позиций «Современника» и «Русского слова», явились причиною полемики. Анализ содержания этих журналов перед началом полемики и сразу же после возникновения ее подтверждает правомерность такого утверждения.

Обычно начало полемики рассматривается следующим образом. Первый сигнал подало «Русское слово», Зайцев. В апреле 1863 г., в заметках «Перлы и адаманты русской журналистики», Зайцев задел «Современник», обвинил «Свисток» в снижении уровня сатиры, в отходе от традиций Лилиеншвагера — Добролюбова. Он, защищая «Записки из мертвого дома» от критики Щедрина, выразил сомнение в искренности демократизма сатирика, намекая на его службу вице-губернатором. Щедрин отвечал в январской хронике «Нашей общественной жизни» за 1864 г. Затем в «Русском слове» публикуются статьи Зайцева «Глуповцы, попавшие в «Современник»» и Писарева «Цветы невинного юмора» («Русское слово», 1864, № 2). В мартовской хронике «Нашей общественной жизни» за 1864 г. Щедрин вновь выступает против «Русского слова». А затем полемика продолжается в 1865 г. уже Антоновичем, который придал ей еще более нетерпимый характер.[15] Приведенную схему можно несколько уточнить. Но дело даже не в этом. Чтобы разобраться в причинах полемики, следует остановиться не только, и, может быть, даже не столько на прямых взаимных обвинениях «Русского слова» и «Современника». Нужно рассмотреть и сопоставить всю сумму отношений этих журналов, весь круг их высказываний по основным вопросам современности.

В 1863 г. обе стороны сохраняли видимость единого фронта. Но уже в это время полемика, в сущности, начинается, так как в журналах намечается совершенно различное, часто диаметрально-противоположное решение принципиально важных вопросов.[16] При этом редакция каждого из журналов, видимо, хо-

[14] А. В. Луначарский, По поводу неопубликованных статей Щедрина 1864—1865 гг., «Лит. наследство», т. 11—12, М., 1933, стр. 184.

[15] См., например: Л. Э. Варустин, Журнал «Русское слово». 1859—1866, Л., 1966, стр. 196—200.

[16] См. об этом: Е. Покусаев, Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы, Саратов, 1957, стр. 170—177.

рошо понимала неприемлемость для нее положений, защищаемых другой редакцией. Было, конечно, и много общего, но все отчетливее ощущаются и отличия.

В «Русском слове» на передний план все более выдвигаются проблемы социально-экономические. Редакция справедливо считает, что лишь экономическое положение народа, трудящихся масс позволяет судить о степени прогрессивности общества, политические же изменения сами по себе еще не решают вопроса о голодных. Такая постановка вопроса была верной и прогрессивной. Здесь ощущалось развитие лучших традиций революционно-демократической мысли предшествующего периода, идей Чернышевского.

Указание на важность экономических проблем можно встретить буквально в каждой статье, так или иначе связанной с вопросами общественного устройства (а таких статей в «Русском слове» печаталось довольно много).

О второстепенности политических форм, о первостепенной важности «экономической стороны» говорится, например, в статье Г. Е. Благосветлова «Дж. Ст. Милль» (№ 9).[16a] По Благосветлову, важны скорее не политические формы, а общественные учреждения; политический порядок хорош, если является средством для достижения народного благосостояния. Прежде всего, необходимо обеспечить свободу труда и материальное довольство.

О том, что улучшение материального благосостояния — единственное реальное средство борьбы с преступностью, говорится в статье Шелгунова «Гражданские элементы Иркутского края» (№ 10). О важности экономики идет речь в рецензии Благосветлова на книгу Н. И. Костомарова «Москва и Новгород». По мысли Благосветлова, основная причина падения Новгорода — не в московском царе, не в действиях отдельных исторических личностей, а в ограниченности новгородских «свобод», в пренебрежении к социальным учреждениям; Новгород не развил «самостоятельности своих учреждений до конца», не закрепил их «прочным социальным союзом»; поэтому он, как и все средневековые республики, «носил в себе все, что противоположно истинному республиканскому принципу» (№ 5, с. 27—28).

В статье Шелгунова «Убыточность незнания» (№№ 4, 5) автор начинает свои рассуждения с доказательства важности экономики, первостепенного значения удовлетворения материальных потребностей людей: «Вопросы экономического быта считались всегда самыми существенными, но по разным причинам человечество еще не доросло до практического их разрешения» (№ 4, с. 1). Все предшествующие эпохи, по словам Шелгунова, несмотря на различия между ними, имели одни и те же общие

[16a] Ссылки на «Русское слово», дающиеся в тексте, в скобках, без указания года, относятся к 1863 г.

черты; по существу, — это был один период нищеты и бедности большинства, который воплощался лишь в различные политические формы. Только теперь, по Шелгунову, начинается переход к другому периоду, характерная черта которого — всеобщее экономическое благосостояние.

О роли экономического благосостояния говорится и в статье Н. В. Соколова «Торговые преступления» (№ 5). В «Домашней летописи» № 7-го утверждается первенство экономики над политикой: «Дух времени <...> отодвигает политические требования на задний план и отводит первое место экономическим соображениям», «социальный принцип становится руководящим принципом человечества» (с. 38); критикуются все предшествующие формы общественного устройства, в том числе капиталистическая, которая, по мнению автора, управляет общественными силами «противно всяким законам справедливости» и «подчиняет своему наглому произволу общественную деятельность» (с. 46). Автор «Домашней летописи» осуждает французов за пренебрежение к социальным вопросам, которые правители всегда старались обходить, за увлечение политикой; поэтому «во всех общественных формах массы оставались праздными и голодными зрителями на пиру жизни» (с. 46). Подобное положение не может быть оправдано и должно быть изменено.

Залогом такого изменения служит то, что уже в настоящее время везде «право труда начинает отрицать бесправие рабства и вытеснять его из старых общественных форм» (с. 40). Характерно, что в понятие «рабства» входит и современное автору буржуазное экономическое устройство. Он ополчается не только против рабства прямого, но и против всякого рода рабства (см. с. 40). Последнее свидетельствует и об отношении к буржуазному устройству, и о скрытой оценке крестьянской реформы в России, отменившей прямую форму рабства. Следует вообще учитывать, что акцентирование вопроса о роли материального благосостояния масс, как главного критерия оценки прогрессивности общественного устройства, было обращено не только против капитализма, но и против реформ русского правительства, которые также не меняли сущности положения народа.

В «Очерках из истории труда» Писарев развивает те же мысли. Он говорит, что вся предшествующая история человечества, так называемый «исторический прогресс», — лишь переход «от одной формы рабства к другой», «рабство в большей части образованных государств скрывается под другими формами и названиями, менее оскорбительными для просвещенных и сострадательных глаз и ушей».[17] Рассуждения Писарева несомненно ориентированы на русскую послереформенную действительность, но

---

[17] Д. И. Писарев, Соч. в 4 тт., т. 2, М., 1955, стр. 230. В дальнейшем: Писарев.

они имеют и более общий смысл. Речь идет о несостоятельности всякого общества, построенного на эксплуатации, в том числе и буржуазного. Писарев верит, что капитализм погибнет, как погибли и другие общественные формации, основанные на угнетении трудящихся: «Средневековая теократия упала, феодализм упал, абсолютизм упал; упадет когда-нибудь и тираническое господство капитала».[18]

О положении пролетария в современном буржуазном обществе идет речь и в статье Шелгунова «Убыточность незнания». Здесь утверждается, что пролетарий «в сущности, такой же раб своей цивилизованной Европы, как древний раб был рабом Рима» (№ 4, с. 32).

Сочувственно оценивая Милля, его учение о роли труда в развитии общества, редакция критикует его за идеализацию английского буржуазного конституционного устройства, говорит об экономической несправедливости английского общества, о бедности и невежестве трудящихся Англии (№ 9, с. 13).

Неверно было бы утверждать на основании высказываний о том, что образованный капиталист может стать строителем будущего общества,[19] о тенденциях примирения «Русского слова» с буржуазным устройством. В таких высказываниях отразилась утопичность позиции сотрудников «Русского слова», но отнюдь не симпатии к буржуазному укладу. Само выдвижение на первый план экономических, социальных проблем, оценка общественных отношений с точки зрения благосостояния трудящихся определяли отрицание этого уклада.

Проблемам труда, его роли, форм, вознаграждения, оценке общественного развития с точки зрения производства и производственных отношений посвящена и большая статья Писарева «Очерки из истории труда» (№№ 9, 11—12). Всю историю человечества Писарев рассматривает с точки зрения развития труда, распределения его продуктов, присвоения чужого труда. Залогом справедливого общественного устройства является свобода труда: «Надо, чтобы труд был приятен, чтобы результаты его были обильны, чтобы они доставались самому труженнику».[20]

О роли труда и необходимости его свободы говорится и в «Домашней летописи» (№ 7). Автор ее считает, что в «праве труда» «заключается вся разгадка общественной гармонии и возможно лучшего состояния людей» (с. 40); «Новое общество стремится жить трудом и существовать для труда <...> право свободного труда делается высочайшим идеалом для будущего обновления человечества» (с. 40).

---

[18] Там же, стр. 308.
[19] Там же, т. 3, М., 1956, стр. 125.
[20] Там же, т. 2, стр. 330.

Критикуя все прошлые социально-экономические устройства с точки зрения неудовлетворительности решений «права труда», вопроса о материальном благосостоянии масс, редакция считает, что до определенного времени иного устройства быть не может, так как каждый последующий период наступает только тогда, когда предшествующие периоды исчерпают себя. Поэтому «нельзя ни отдельному человеку, ни целому народу сочинять программу воспитания и навязывать гипотезы» (№ 5, с. 39). Однако, по мнению авторов многих статей, социальное устройство, основанное на экономическом неравенстве, на нищете огромной массы людей, исчерпало себя; человечество начинает переходить к следующему периоду, периоду всеобщего материального благосостояния. Вера в счастливое будущее, в возможность удовлетворения потребностей людей, в право их на подобное удовлетворение отчетливо ощущается на страницах «Русского слова». Так, например, в «Очерках из истории труда» Писарев упоминает «ту великую и светлую участь, которая должна составлять естественное достояние людей». Он считает, что факты, противоречащие вере в такую участь, «не дают нам права думать, чтобы светлое будущее было недостижимо».[21]

Подобные рассуждения связаны с идеями утопического социализма, с теорией «разумного эгоизма» Чернышевского. Не случайно четвертый сон Веры Павловны столь сочувственно встречен сотрудниками «Русского слова».

Заявляя, что удовлетворение потребностей людей, повышение их материального благосостояния — наиболее верный путь достижения счастливого будущего, изменения существующего порядка, редакция придавала большое значение развитию общинных принципов через ассоциацию. Так, например, в «Домашней летописи» № 7 автор пропагандировал идею производственной ассоциации, говорил о «необходимости общинного устройства» (№ 7, с. 43). Он знакомил читателей с вопросом о роли ассоциаций в Европе, упоминал Лассаля, рассказывал о рабочих ассоциациях в Англии. По его мнению, стремясь изменить существующий порядок, «европейская цивилизация пока не видит других средств, кроме ассоциации» (там же, с. 46). В России же, с точки зрения автора, условия для ассоциаций особенно благоприятны. Общинное владение землей, рабочие артели, торговые и промышленные компании — все это создает почву для успешного развития принципов ассоциации; пользу их, великую роль общинного труда начинает понимать все большее количество людей, которые от применения этих принципов «ожидают величайших реформ в социальном положении новейших наций... Принцип ассоциации <...> впоследствии должен охватить все отрасли человеческой деятельности <...> он должен уничто-

[21] Там же, стр. 279, 280.

жить антагонизм, пожирающий современные общества, очистить их от тех гнойных ран, которые мы доселе закрываем разными наружными пластырями» (там же, с. 43).

Подобного рода рассуждения также перекликались с идеями Чернышевского, в частности, с положениями романа «Что делать?». Известно, какое большое значение придавал Чернышевский пропаганде принципа ассоциации, как детально знакомил он с этим принципом читателя, рисуя мастерские Веры Павловны. Вероятно, подобные описания также вызывали сочувствие сотрудников «Русского слова» к роману «Что делать?»

Ставя вопрос о построении будущего счастливого общества, о необходимости коренного изменения существующих порядков, «Русское слово» выступало решительным противником либеральных полумер, «наружных пластырей», заплат, при помощи которых всякого рода либералы, филантропы и т. п. стремятся подправить общественное устройство. «Либералу — благотворителю собственно нет никакого дела до пострадавших собратий», — утверждал автор «Домашней летописи»; он сегодня хлопочет о помощи бедным студентам, а завтра собирает на раненных в Польше солдат.[22] Не на помощь подобных «благодетелей», а на собственные силы могут надеятся трудящиеся массы. Вряд ли правомерно считать, что редакция «Русского слова» отрицала роль трудящихся масс в деле построения будущего счастливого общества. Само внимание к проблемам свободного труда, ассоциаций, критика либерального филантропизма и т. п. опровергают подобного рода утверждения. «Пробуждение масс», освобождение их от любой «стеснительной опеки», возможность для них следовать «естественному ходу собственных инстинктов и стремлений» объявляются в «Русском слове» обязательным условием, необходимым для вступления людей «в истинную цивилизацию». Чем менее в дела народа вмешивались бы «старшие братья», тем завиднее была бы его участь: «Если бы масса с самого начала истории была предоставлена собственной горькой участи, то рациональное земледелие давно утвердилось бы во всем мире», «Где не мешаются в дело старшие братья — там мир и богатство; где они мешаются — там драматизм и эффектность».[23] Именно в пробуждении народа, в умении устроить свои экономические отношения, в энергии народного характера и ума сотрудники «Русского слова» видят залог исторического прогресса.[24]

Конечно, не во всех статьях, опубликованных в «Русском слове», упомянутые выше взгляды находили полное и отчетливое

---

[22] См. «Русское слово», 1863, № 7, стр. 51.

[23] Писарев, т. 2, стр. 319, 320.

[24] См., например, статью Г. Е. Благосветлова «Дж. Ст. Милль», «Русское слово», 1863, № 9, стр. 7.

выражение. Следует учитывать своеобразие позиции каждого из авторов, известную противоречивость в выводах отдельных сотрудников. Так, например, Благосветлов, в статье «Дж. Ст. Милль», считал, что новые экономические отношения необходимо устроить так, чтобы в них сохранилось равновесие между трудом и капиталом (№ 9, с. 8). Но в целом направление «Русского слова» определялось не этими отклонениями и противоречиями.

К проблемам социально-общественного устройства обращается и «Современник». В решении их он во многом напоминает «Русское слово». Знаменательно, что оба журнала часто ставят в одно и то же время одни и те же социально-экономические вопросы, давая примерно одинаковые ответы на них. Для «Современника», как и для «Русского слова», знаменательна переакцентировка внимания с вопросов политических на вопросы социальные. Так, уже в № 1—2 за 1863 г., первом после приостановки, в статье Ю. Жуковского «О народности в политике» говорится об ограниченности политического принципа, о том, что для народа важно прежде всего экономическое начало. Подобная же точка зрения обстоятельно развита в статье В. Бессонова «Политическое неумение», написанной по поводу книги Гарнье-Паже «История Итальянской революции 1848 г.» и, видимо, являющейся в какой-то степени ответом редакции «Современника» на статью Зайцева в «Русском слове» о книге Сориа (см. стр. 68). Бессонов критикует точку зрения Гарнье-Паже, говорит об узости его миросозерцания. По мнению Гарнье-Паже, итальянская революция потерпела поражение оттого, что ее участники не обратились за помощью к Франции. Бессонов дает событиям совсем другое объяснение. Он считает, что события в Италии поучительны не только для понимания происходящего в этой стране. Бессонов осуждает историков, которые видят в событиях лишь результат действий отдельных личностей, воображая, «что история повинуется различным Меттернихам и Кавурам», что Меттернихи и Кавуры «делают историю».[25] Для понимания подлинного смысла исторических событий, по мнению Бессонова, надо смотреть на них более пристальным взглядом, не сводя происходящее к действиям определенных людей, а раскрывая его общий смысл. При таком подходе окажется, что итальянская революция «погибла с самого начала», ограничив свои задачи вопросами чисто политическими (№ 11, с. 197). Опыт истории, по Бессонову, должен бы был показать, «что политические перевороты, как бы они громадны ни были, вовсе не дают гарантий от реакции» (там же, с. 198). Как пример этого, Бессонов приводит события Великой французской революции: стремление осчастливить человечество путем различных политических и административных перестано-

---

[25] «Современник», 1863, № 11, стр. 196. В дальнейшем ссылки на «Современник» 1863 г. в тексте, в скобках, с указанием № и стр.

вок, во имя которых пролиты реки крови, принесло народу очень мало пользы, подготовило военный деспотизм Наполеона I, обожание его народом и т. п. И дело не в том, что народ, как утверждал в «Русском слове» Зайцев, — темная и дикая масса, не сознающая своих подлинных интересов. По мнению Бессонова, можно вообще говорить «о равнодушии народа к политическим переменам» (там же). Такое равнодушие не случайно, так как благосостояние народа не зависит от той или другой формы правительства, от политики. Более того, сам «политический строй общества целиком развился из существующих социальных, экономических отношений» (там же, с. 199). Поэтому, чтобы найти поддержку народа, необходимо обращаться к проблемам экономическим, которые, «касаясь прямо нужд народа, очевидно гораздо важнее для него, чем вопросы политические» (там же, с. 198). С этой точки зрения, по Бессонову, следует оценивать значение политических переворотов, различных форм правления. Они не цель, а только средство: не стоит добиваться «республики для республики», а нужно желать ее «только как более удобной формы для проведения тех экономических реформ, которые <...> необходимы для народного благосостояния» (там же, с. 199).

Опираясь на подобные рассуждения, Бессонов критикует современное буржуазное устройство, утверждая, что «теория капиталистов» опирается на «неразумные, ненаучные основания» (там же). Он рассказывает о росте пауперизма в Англии и Франции, о европейском рабочем движении, о Лионском восстании и т. п. Пренебрежением к нуждам народа, к проблемам социальным объясняет он крушение республики во Франции, приход к власти Наполеона III: после свержения Луи Филиппа республиканцы достигли своей цели, но народ от этого ничего не выиграл; диктатором был назначен Кавеньяк, расправлявшийся с народом; буржуазные «свободы» народу не принесли пользы (ему не нужна «свобода слова», так как он неграмотен; безразлична «свобода политических убеждений», так как их у него нет); республиканцы «не позаботились связать интересы народа с своими собственными» (там же, с. 201), оттолкнули его от себя, не поняли народных нужд, подготовив тем свое падение. Они оказались, по собственной вине, обреченными на поражение. Примерно то же произошло в Италии и в ряде других стран, так как «непоследовательность — общая судьба чисто политических партий» (там же, с. 202).

О первостепенной важности социальных, экономических проблем мимоходом упоминается в статье А. Н. Пыпина «Старые недоразумения». По мнению автора, полемизирующего со славянофилами, истинное общение с народом «главнейшим образом имеет общественный и экономический смысл» (№ 7, с. 34), связано со стремлением улучшить его благосостояние. О важности

экономического метода для объяснения гражданских форм говорится и в статье Ю. Жуковского «Методы юридической науки» (№№ 6, 10). Автор считает, что юриспруденция должна обращаться за разъяснением сущности своих явлений к экономическим знаниям (№ 6, с. 309). В статье «Затруднения женского дела» Жуковский вновь затрагивает вопрос о роли экономики. Он считает, что весь женский вопрос «сводится на вопрос о материальном достатке или обеспечении», что есть лишь одна социальная почва — почва экономическая (№ 12, с. 281).

В журнале неоднократно критикуется европейское буржуазное устройство с точки зрения его экономической несостоятельности. Так, в «Политике» № 12 высказывается мысль, что буржуазная система ни на иоту не изменила к лучшему «социального положения трудящихся классов» (с. 273). В статье Пыпина и А. Н. (?) Попова «Очерк современной французской литературы» осуждается французская буржуазия, «богатая, самодовольная, эгоистическая, с узкими взглядами и узкой моралью» (№ 9, с. 32). В «Политике» № 9 опровергаются попытки идеализации положения буржуазной Англии, упоминаетсоя о бедности, пауперизме, существующих в этой стране. Редакция обещает поговорить в дальнейшем об Англии подробно.

В журнале ощущается вера, что при ином социальном устройстве смогут благоденствовать все, а не избранные. Заметно весьма сочувственное отношение к идеям утопического социализма. Оно сказалось, в частности, в статье Щедрина «Как кому угодно», опубликованной в № 8 «Современника».[26] Подобное же отношение заметно и в статье А. Ф. Головачева о повести Л. Толстого «Казаки» (№ 7). Полемизируя с Толстым, с его постановкой вопроса о человеческом счастье, Головачев признает, что иногда возможно ставить этот вопрос не на конкретной, а на общечеловеческой почве. Так его ставили, по словам автора, люди огромной силы; «такие люди являются редко и хотя совершают мало практического дела, но их сильный талант, их борьба, беспорядочная, но разнообразная и упорная, делает их имена действительно хорошими и почтенными»; эти люди «силой своего гения бывают близки к правде», «они сильные и честные бойцы за идею общественного блага») (с. 53).

Не следует забывать о публикации на страницах «Современника» романа Чернышевского «Что делать?» (1863, №№ 3—5). Этот роман ставил вопрос об утопическом социализме, в основном, в русле тех тенденций, которые были характерны для «Современника» 1863 г. в целом и не противоречил направлению журнала, хотя позднее сотрудники «Русского слова» пытались доказать обратное. Знаменательно, что в № 10 «Современника»,

---

[26] См. нашу статью «Щедрин и Чернышевский», Уч. зап. ТГУ, вып. 209, Тарту, 1968, стр. 119—120.

в статье Пыпина «Premiers-Moscou газеты «День»», давался, между прочим, отпор нападкам на роман «Что делать?» (с. 231).

Как выход из существующего экономического тупика редакция «Современника», как и редакция «Русского слова», предлагала устройство ассоциаций. О них говорилось в журнале неоднократно. Об ассоциациях шла речь в двух больших статьях Э. Ватсона «Вопрос об улучшении быта рабочих в Германии» (№№ 8, 9). В них подробно рассказывалось об устройстве различных рабочих ассоциаций, о принципах их организации, о деятельности Шульце-Делича и Лассаля. Вторая статья Ватсона целиком посвящена Лассалю, его брошюрам о роли рабочего класса, о положении пролетариата и пр. Приводятся выводы Лассаля о необходимости улучшить положение рабочих, о важности создания особой рабочей партии. Ватсон, полемизируя с теми, кто нападал на Лассаля, подчеркивал, что тот не призывает к насильственным переворотам, что путь, пропагандируемый им, — мирный, что в его учении нет «яда социализма», в чем обвиняют Лассаля противники. Лассаль, по Втаонсу, хочет «мирного», но радикального преобразования в социальном устройстве общества» (с. 271). Останавливаясь на полемике Лассаля с Шульце-Деличем, Ватсон отдает предпочтение первому. Он сочувственно относится и к Шульце-Деличу, хвалит его практическую деятельность по организации ассоциаций среди рабочих. Но одновременно Ватсон отмечает, что Шульце-Делич принадлежит к либеральной партии, что его теория не в состоянии привести к всеобщему улучшению положения рабочих.

Об ассоциации идет речь и в статье Жуковского «Затруднения женского дела» (№ 12). В ней затрагивается вопрос о женских ассоциациях и в связи с этим упоминается об ассоциациях вообще, о полемике Лассаля с Шульце-Деличем и т. п. За поверхностность объяснения слова «ассоциация» критикует, в частности, А. Ф. Головачев «Настольный словарь» Ф. Толя (№ 10, с. 306). О производственных ассоциациях идет речь и в романе Чернышевского. Не случайно автор, пропагандируя их идею, так подробно описывает устройство мастерских Веры Павловны. Следует помнить, что активным сотрудником «Современника» в это время был В. А. Слепцов, горячий сторонник принципа ассоциации, организатор Знаменской коммуны. Все это позволяет утверждать, что редакция «Современника» горячо сочувствовала идеям утопического социализма, принципу ассоциаций.

Стремясь к коренному изменению социального положения трудящихся, редакция «Современника» противопоставляет такое изменение политике либеральных полумер. В статье Э. В. (Ватсона) «Международный конгресс для развития социальных наук в Гэнте» с иронией говорится об участниках конгресса, с их дюжинными суждениями либеральной школы, боящейся реального ограничения власти капитала, подлинного улучшения поло-

жения рабочих (№ 10). Весьма насмешливо о либералах упоминается в статье А. А. Слепцова «Германское единство»: «Кто-то заметил, что либерализм живучее лягушки» (№ 10, с. 252). Слепцов, рассказывая о роспуске реакционерами либеральной прусской палаты депутатов, выражает надежду, что «немцы воспользуются данными им уроками и перестанут заниматься либеральным пустословием» (там же).

Итак, проблемы социально-экономического устройства общества, утопического социализма, ассоциаций, несостоятельности либеральной идеологии и т. п. занимали в «Современнике», как и в «Русском слове», важное место. Но в «Современнике» эти проблемы были ориентированы, в первую очередь, конкретно на русскую действительность, связаны непосредственно с вопросом об отмене крепостного права. Так, в № 4 опубликована статья Жуковского «Вопрос о поземельном устройстве алжирских арабов». Автор ее подводит читателя к выводу, что не правовые формы, а суть отношений определяет положение народа. Речь идет о французах и арабах в Алжире, но смысл статьи значительно шире. Она перекликается с прежними высказываниями «Современника» о поземельном устройстве, с идеями Чернышевского. Жуковский прямо обращается к таким высказываниям «Современника» по крестьянскому вопросу. Он замечает, что надежды «Современника» на то, что положение народа легко улучшить, как будто не оправдались. Но это, по мнению Жуковского, объясняется тем, что все изменения делались «в пределах легальности» (с. 214). Автор призывает остерегаться этого слова и, совершая изменения, не слишком ограничивать себя формализмом старого, «ибо иначе ты опять-таки напишешь старый закон, а не новый» (с. 215). В статье говорится о том, что большие платежи за землю лишь ухудшают положение крестьян, и неважно, кому при этом формально принадлежит земля. Подобного рода размышления имели самое непосредственное отношение к России. В свое время они высказывались Чернышевским: см., например, статью «Критика философских предубеждений против общинного землевладения»; иносказательные рассуждения о том, что обед, возможно, и не стоит тех денег, которые приходится за него платить.[27] Но у Чернышевского подобные опасения высказаны перед реформой, Жуковский же оценивает ее плоды.

В «Политике» № 3, на материале жизни Франции, Пруссии, Ватсон проводит мысль, что формальные реформы, конституции стоят дешево, что правительство и при наличии конституции может обладать неограниченной властью, «и при конституционных учреждениях часто бывает жить не лучше, нежели при отсутствии всяких конституционных актов» (с. 146). В «Политике» № 6,

---

[27] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 360, 361.

обозреватель иронизирует над «либерализмом» Австрии, в которой под «несколько обновленной формой мы встретим старые, давно знакомые явления» (с. 358). Сущность действий австрийского правительства, по словам автора «Политики», Э. К. Ватсона, сводится к тому, чтобы вести дела на старый лад, уверяя всех, будто оно идет по пути реформ.

Об экономической несостоятельности реформы говорилось уже на русском материале в статье Жуковского «Крестьянское дело и общественная инициатива» (№№ 3, 5). В спокойном тоне, приводя большое количество цифровых, статистических данных, с кажущейся научно-экономической беспристрастностью, стремясь как будто бы не осудить правительство, а рассмотреть и объяснить его действия, Жуковский, анализируя пореформенные отношения помещиков и крестьян, приходит к выводу о тяжелом положении последних, которым «трудно довольствоваться»: «крестьянин не может принять на себя оброка, потому что не имеет средств его уплачивать, не может идти на выкуп, потому что выкупа добровольного он также принять не может, а обязательного ему не предлагают. Остается барщина, с которой он находится в полукрепостном положении и при которой над его головой висит, как дамоклов меч, оценка рабочих дней, произведенная губернскими присутствиями на случай недоимок» (№ 5, с. 47).

Аналогичные мысли высказаны в статье А. М. Унковского «О преобразованиях по части прямых налогов» (№ 5). Говоря с похвалой о двух высочайших указах о налогах от 1. I. 1863 г., замечая, что меры, предусмотренные этими указами, имеют «в виду уничтожить несправедливые и нерациональные поголовные налоги и заменить их имущественными», Унковский считает, что такие меры — «едва заметное движение» к более справедливому порядку: «новые законоположения не представляют никакой существенной разницы с прежним порядком», который лишь «несколько видоизменяется в его подробностях» и несовместим «с действительными интересами народа» (с. 17, 22, 24). В статье Антоновича «Неуважение к науке» (№ 3) ставится вопрос о вреде «недостаточных изменений», «мелочного и микроскопического решения» задач (с. 70, 69). Антонович осуждает неоправданный оптимизм, готовность, удовлетвориться мелкими изменениями. Он говорит о необходимости видеть далекую цель, напоминает о новых людях, которые указуют эту цель, заявляют широкие требования, «постоянно держат перед глазами полный идеал будущего» (с. 70). Видимо, и здесь подразумеваются утопические социалисты и их русские сторонники.

В № 9, в статье М. И. Соколова «Сельскохозяйственные беседы в Москве» говорится о том, что положение крестьян после реформы «несравненно хуже», чем при крепостничестве, что по-

мещикам ныне «нечего заботиться о крестьянине, тогда как крепостное право обязывало помещика кормить его при недостатке хлеба, да и собственные выгоды его побуждали к тому, чтобы крестьянин не доходил до нищеты» (с. 5). Давая обзор бесед московского сельскохозяйственного общества, Соколов показывает, что помещики пытаются разными способами подчинить себе крестьян, стремясь обречь «наших крестьян на новую полную зависимость». По мнению Соколова, надо ставить вопрос не об ответственности крестьян перед помещиками, а о взаимной ответственности, без послаблений для любой из сторон, так как «едва ли надобно желать, чтобы дворянство наше опять богатело на счет труда крестьян» (с. 6).

Мысль о том, что крестьянская реформа не выражает интересов народа, затронута и в рассказе Н. Наумова «У перевоза». Крестьянка рассказывает о своем муже, который второй год сидит в тюрьме, о волнениях мужиков в ожидании «воли», о том, как пришла бумага и стало видно, что «не по-ихнему выходит», о слухах, «что воля эта не та воля», об аресте крестьянских делегатов и т. п. (№ 11, с. 187, 188).

Подобные высказывания не противоречили позиции «Русского слова». Но уже в них, в конкретной ориентировке на русский крестьянский вопрос, начинает как-то сказываться своеобразие «Современника». В «Русском слове» социально-экономические проблемы, как правило, ставились в более общем, теоретическом плане, не связывались так непосредственно с отменой крепостничества в России. Акцентировка этих проблем в условиях наступления реакции, крушения надежд на близкую революцию, оттеснение вопросов общественно-политических приобретали иногда в глазах читателей «Русского слова» особый смысл. Определенная часть молодежи, считающая себя учениками Чернышевского, начинает осмысливать его теории в духе пренебрежения к общественно-политическим вопросам. Об этом говорится в воспоминаниях С. Г. Стахевича «Среди политических преступников. Николай Гаврилович Чернышевский». Стахевич вспоминает, что он и его товарищи по ссылке с удивлением узнали о том, что теоретические взгляды Чернышевского склоняются «решительно в пользу политической свободы». По их мнению, «Современник» ратовал лишь за материальное благосостояние массы, считая, что все прочее — приложится: «зажиточный народ приобретет просвещение, проявит чувство личного достоинства, завоюет политические права»; «политические формы — сами по себе — ничто: конституция и республика могут совмещаться не только с благосостоянием масс, но также и с их нищетой; абсолютизм может совмещаться не только с нищетою масс, но также и с их благосостоянием». Эти люди, по словам Стахевича, были поражены, узнав, что Чернышевский «заявил себя горячим сто-

ронником политической свободы», говоря, что она необходима, как воздух.[28]

Молодые последователи идей Чернышевского не всегда улавливали, что у него проблемы социально-экономические и общественно-политические неразрывно связаны. Так, например, ставя в романе «Что делать?» вопрос о роли производственной ассоциации, Чернышевский не забывал, что плодотворное развитие тех принципов, на которых основаны мастерские Веры Павловны, возможно лишь после «перемены декораций», после коренного общественно-политического преобразования. До тех пор дело ассоциации сталкивается с такими трудностями, что приходится думать не о расширении его, а о том, чтобы хоть кое-как сохранить достигнутое. Многим же казалось, что речь здесь идет о возможности создания новых социальных отношений в рамках существующего политического порядка и что лишь в конечном итоге зажиточный и просвещенный народ завоюет себе политические права. Исходя из такой точки зрения, можно было примириться с самодержавием, с политикой правительственных реформ. Редакция «Русского слова» подобных выводов отнюдь не делала, но ее позицию можно было так истолковать. Редакции «Современника» казалось, что уже в формах постановки социально-экономических проблем сотрудники «Русского слова» сворачивают на путь превращения «нигилистов» в «титулярные советники», столь характерный в это время для многих.

Но особенно отчетливо расхождения между «Современником» и «Русским словом» сказывались там, где речь шла о путях достижения народного благосостояния, о том, что́ нужно делать в ближайшее время. И «Современник» и «Русское слово» в 1863—1864 гг. равно не возлагают надежд на близкое революционное переустройтсво, и было бы странно укорять их за это. Оба издания, в свете недавних уроков, пересматривают и свое отношение к реальному, не идеализированному народу, с его исторически обусловленными недостатками. Но в «Русском слове» вопрос о революции осложняется отношением редакции к проблеме народа. Размышляя об уроках истории, о причинах, подготовивших торжество реакции, о роли народа в недавних русских событиях и в революционных событиях на Западе, редакция «Русского слова» приходит к выводу, что в деле социально-экономического преобразования общества нельзя рассчитывать на народ при существующем уровне его развития. Это определило довольно суровую оценку различных народных движений. Такие движения, по мнению сотрудников «Русского слова», как правило, вредны; вредны, в первую очередь, для самого народа. Об этом говорится в статье Шелгунова «Убыточность незнания», где идет речь о пагубности всякой войны, в том числе войны за идею.

[28] «Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников», т. 2, Саратов, 1959, стр. 72—73.

Еще отчетливее подобная мысль выражена в статье Писарева «Очерки из истории труда»: «В истории трудно отыскать хоть один такой факт, в котором энергия народа, его героические усилия <...> произвели бы в его образе жизни действительное улучшение, соответствующее подобным затратам <...> Поэтому все великие эпохи дали до сих пор людям несколько пламенных стихотворений, несколько красноречивых страниц в истории, да, кроме того, приращение налогов и то чувство утомления, которое всегда следует за напряжением сил».[29]

И уже в этой статье крушение пирамиды общественного устройства рассматривается как катастрофа, а не как залог будущего разумного построения. Аналогичный взгляд высказан и в «Домашней летописи» № 7. Автор ее, говоря о борьбе между трудом и капиталом, с сожалением отмечает, что в странах буржуазной Европы эта борьба порождает «те внутренние неурядицы, которые гораздо пагубнее внешних войн» (с. 40). Он считает, что жизнь всегда ставила социальные задачи и лишь «за неимением ясного и здравого взгляда на них, пришлось разрешать их революциями. Это обыкновенная судьба идей, опередивших сознание народа и выдвинутых вперед самою силою вещей» (с. 42). Таким образом, по мнению автора, жизнь, социальное устройство общества неизбежно выдвигает проблемы, которые пытаются решить при помощи революции, но само революционное решение не является подлинным и полезным для народа.

Преуменьшение роли народной инициативы в деле коренного социального переустройства общества характерно и для статьи Писарева «Мотивы русской драмы». Но особенно сказывается оно в статье Зайцева о книге Диэго Сориа «Общая история Италии 1846—1850 гг.», перевод которой вышел в 1863 г. в Петербурге. Эту статью исследователи обычно рассматривают как одно из наиболее существенных отступлений «Русского слова» от революционно-демократических позиций. На ней основывают свои доказательства те, кто считает, что в полемике был прав «Современник». Исследователи же, придерживающиеся иной точки зрения (например, Ф. Ф. Кузнецов), утверждают, что статья не характерна для общего направления «Русского слова», что она — одиночный срыв, который более никогда не повторялся.[30] Нам представляется, что при всей ошибочности выводов, к которым пришел Зайцев, его статья о книге Сориа весьма интересна, связана с общими тенденциями «Русского слова» и вовсе не свидетельствует об отступлении журнала от революционного демократизма. Основной пафос статьи связан с русской действительностью, с критикой правительственных реформ, буржуазного либерализма. Говоря об уступках, которые были вынуждены

---

[29] Писарев, т. 2, стр. 283.

[30] Ф. Кузнецов, Журнал «Русское слово», М., 1965, стр. 241.

сделать итальянские правители, Зайцев подчеркивает, что они, совершая «робкие движения, по-видимому обещавшие реформы, всегда держали камень за пазухой, чтобы поразить того, кто слишком увлечется розовыми надеждами» (№ 7, с. 41). Эти правители думали прежде всего о том, «как бы сделать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы, как бы в одно время и народ успокоить, и все по-старому оставить» (там же, с. 41). Трудно было в подцензурной литературе выразить более прямо и более резко свое отношение к реформам, проводимым русским правительством.

Зайцев решительно осуждает либералов, поверивших королю Бомбе,[31] лживым обещаниям правителей, способных на любой обман и насилие. Он гневно говорит о современном буржуазном устройстве, «царстве барышников», о том, что «теперь уже ни один порядочный человек не может сочувствовать движению, направленному в пользу буржуазии» (с. 36, 37).

Размышляя о причинах, которые позволяют королям Бомбам торжествовать, отказываться от тех уступок, которые они вынуждены были ранее сделать (эти размышления самым непосредственным образом относились к наступающей в России реакции), Зайцев подходит к выводу о роли народа. Речь идет у него не о всяком народе. Народ, хотя бы относительно образованный, достигший сравнительно высокого уровня развития (например, французский народ), вызывает сочувствие Зайцева. Французский рабочий, по Зайцеву, в гораздо большей степени человек, чем его хозяин, буржуа. «Но, к сожалению, не все страны похожи на Францию» (с. 37).

Любопытно, что в «Библиографическом листке» того же № «Русского слова», в котором напечатана статья о Сориа, непосредственно перед ней опубликована рецензия на книгу Ю. Шмидта «История французской литературы». В рецензии с насмешкой говорится о тех, кто осуждает французскую революцию. О революционных событиях конца XVIII века упоминается как о «колоссальном историческом явлении» (с. 21), осуждается реакция, реставрация. В рецензии доказывается, что революция не случайна, что она — закономерный итог всего предшествующего развития, так как в определенных исторических обстоятельствах «необходимость переворота — такая же естественная вещь, как рождение ребенка» (с. 22).

И в то же время в статье о Сориа автор выступает против курения фимиама народу, против идеализации его, вне учета национальных и временны́х качеств. Зайцев доказывает, что в Италии «народ не только не был против правительства, но даже во многих случаях открыто восставал во имя абсолютизма про-

[31] *Бомба* — король Неаполя Фердинанд II. После революции 1830 г. объявил себя либералом, а затем, подавив освободительное движение, перешел к откровенной реакции.

тив либеральных движений» (с. 36). По словам Зайцева, в ряде стран «так называемый народ пребывает в состоянии, близком к состоянию каких-нибудь каффров или курдов» (с. 37—38). Такой народ — «звери в человеческом облике», он связан с реакцией, с абсолютистским режимом, с деспотизмом, с королями Бомбами «тесными и неразрывными узами грубости и варварства» (с. 38). Именно опираясь на такой народ, итальянская реакция, по мнению Зайцева, смогла уничтожить конституцию и восстановить неограниченный произвол короля. Подобные рассуждения о народе — крайне ошибочны. Особенно неприятна их тональность. Резко иронический тон, первоначально относящийся к тем, кто безусловно идеализирует народ, переносится затем на само понятие народа. Правда, такой тон по отношению к народу звучит лишь в небольшой части рассуждений, особенно резкой и несправедливой. Затем рассуждения становятся более спокойными и объективными, автор вновь возвращается к мысли о том, что не народ виноват в своих недостатках. Но, тем не менее, повторяется вывод о том, что нельзя возлагать, по крайней мере в ближайшем будущем, надежд на инициативу народа, что, борясь за свободу, за демократизацию общества, за интересы народа, следует действовать вопреки ему, а нередко и против него: «Народ груб, туп и вследствие этого пассивен: это, конечно, не его вина, но это — так, и какой бы то ни было инициативы с его стороны страшно ожидать. Он всегда скорее готов, как неаполитанские лаццарони, идти рядом с наемными швейцарами грабить и убивать мирных жителей и противодействовать свободе страны. Поэтому благоразумие требует не смущаясь величественным пьедесталом, на который демократы возвели народ, действовать энергически против него, потому что народ в таком состоянии, как в Италии, не может, по неразвитию, поступать сообразно с своими выгодами» (с. 38). Размышления Зайцева об итальянском народе были непосредственно ориентированы и на Россию. При всей резкости и ошибочности их, они были не столь уж нетипичными и для сотрудников «Русского слова», и для всего лагеря революционной демократии нереволюционного периода. Эти размышления как-то перекликались с рассуждениями Чернышевского о народе в «Прологе», с письмом Щедрина в редакцию «Вестника Европы» по поводу «Истории одного города» и т. п. Везде здесь заметно мучительное ощущение отсутствия народной революционности, осуждение народной пассивности. Но отличительной чертой «Русского слова» являлось то, что его сотрудники считали возможным обойтись без поддержки народа, действовать во имя народных интересов, но не опираясь на народ и даже против воли народа. Сказалось в таком убеждении, видимо, и следующее. Статья Зайцева опубликована в конце лета 1863 г., в разгар шовинистической шумихи, поднятой в связи с польским восстанием. Спекуляция понятием «народ» достигла в это время

одного из кульминационных пунктов. Народ объявлялся верной опорой престола, самодержавия. События в Польше, якобы, показали особенно ярко неразрывную связь самодержавия и народа. Правительство, проводя реформы, якобы удовлетворяло вековые стремления народа, а народ, единый и могучий, дружно поднялся против внешних и внутренних врагов, против революционеров-«нигилистов» и бунтовщиков-поляков, поддерживая свое правительство. Под знаменем «народности» выступают самые реакционные силы.[32]

Сотрудники «Русского слова», видя реальную пассивность и темноту народа, ощущая его противоречия, недостатки, делающие иногда народ орудием в руках реакции, в какой-то мере поддались официальной пропаганде, поверили, что народ такой, каким его в это время изображали реакционно-либеральные издания. Они приняли отчасти за истину восхваления верноподданнических качеств, якобы присущих народу, и осудили его за эти качества.

Самодержавное правительство всегда обманывает возлагаемые на него общественные надежды, оно вынуждено иногда силой обстоятельств идти на уступки, проводить реформы, но старается дать как можно меньше и при первой возможности отбирает данное, переходит к открытой реакции, — вот основные идеи статьи Зайцева, самым непосредственным образом ориентированные на русские события. Размышления о народе, глубоко неверные, но имевшие под собой реальную почву, противопоставленные восхвалениям народа реакционным лагерем, имели важное значение. С подобным истолкованием никак не могли согласиться сотрудники «Современника». Не случайно в статье Бессонова «Политическое неумение» содержится, видимо, скрытая полемика с рецензией Зайцева на книгу Сориа (см. с. 60—61). Бессонов говорит о тех же событиях, что и Зайцев, он прямо ссылается на книгу Сориа (№ 11, с. 209). Как и Зайцев, Бессонов останавливается на причинах, по которым итальянский народ не поддержал освободительного движения. Бессонов не расходится с Зайцевым, характеризуя действия короля Фердинанда, непоследовательность его либеральных противников и пр. Но рецензент «Современника» решительно не согласен с зайцевской характеристикой народа. С точки зрения Бессонова, народ остался безразличен к освободительной борьбе в Италии, потому, что в этой борьбе не учитывались реальные экономические интересы народа.

Не о безразличии к политической форме правления говорится в статье Бессонова, а о необходимости использовать эту форму для решения социальных проблем. Не о тщетности революцион-

---

[32] См.: П. С. Рейфман, Демократическая газета «Современное слово», Ученые записки ТГУ, вып. 121, Тарту, 1962, стр. 75—78.

ных движений вообще, о безразличии к ним народа идет здесь речь, а о несостоятельности революций, не улучшающих народного благосостояния. С точки зрения Зайцева, народ не поддерживает революции, так как он груб и темен. Редакция «Современника» последнего не отрицала, но она указывала и на то, что буржуазные революции проводятся не в интересах народа, не решают социальных проблем народного бытия, и народ стихийно чувствует это.

Недооценивая народную инициативу, общественно-политическую борьбу, редакция «Русского слова» связывает свои надежды с повышением экономического благосостояния масс и с увеличением количества знаний. О месте, которое занимали в «Русском слове» социально-экономические проблемы, о том, что их решение не противоречило, в основном, точке зрения «Современника», говорилось выше. Следует лишь добавить, что сотрудники «Русского слова» хорошо понимали: повышение материального благосостояния масс — медленный и трудный процесс, в России пока нет даже предпосылок для практического осуществления подобных изменений. Так, в статье «Дж. Ст. Милль», говоря о принципах устройства будущего общества, о равновесии между трудом и капиталом, Благосветлов отмечает, что «полное осуществление этого принципа едва предвидится в отдаленном будущем» (№ 9, с. 8). «Мечтатели» (т. е. утописты) могут утешаться тем, что, как бы история ни колесила, человечество рано или поздно придет к разумному устройству и «если за тысячи лет своих страданий насладится одним годом счастья, то оно может без особенной горести оглянуться на пройденный им страдальческий путь» (там же, с. 10). Аналогичные взгляды высказаны в статье Писарева «Очерки из истории труда»: «Со временем многое переменится, — но мы с вами, читатель, до этого не доживем, и потому нам приходится ублажать себя тем высоко бесплодным сознанием, что мы до некоторой степени понимаем нелепости существующего».[33]

Как главная возможность практического применения сил передовых людей 1860-х гг. «Русским словом» выдвигаются занятия наукой, в первую очередь — естественными науками, познающими закономерности природы, и экономическими, помогающими понять несовершенство существующего порядка и принципы, на которых должно быть построено будущее общество. Такие занятия, по мнению журнала, — главная и чуть ли не единственная возможность практического действия. Так, в статье Шелгунова «Убыточность незнания» (уже в названии статьи подчеркнута огромная роль знания, науки) говорится об определяющем значении науки в деле развития общества: с каждым днем «наука подвигается вперед, хотя и медленно <...>, она увеличивает

[33] Писарев, т. 2, стр. 280.

запас сведений и знаний, разрушает старые предрассудки<...> указывает путь, каким следует идти людям, чтоб им было лучше» (№ 5, с 35). По мнению Шелгунова, наука должна быть открыта для всех, чтобы каждый мог черпать из ее сокровищницы. Именно при этих условиях можно рассчитывать на возможность перестройки общества: «Знание объясняет причину зла, указывает путь спасения» (так же, с. 40). Аналогичные взгляды высказаны Писаревым в статье «Наша университетская наука». Развитие науки, по Писареву, привело бы к тому, что «рутина и предрассудки погибли бы на веки, потому что они держатся теперь только благодаря тому обстоятельству, что самые простые законы природы неизвестны даже образованному обществу» (№ 8, с. 53). Роль науки в подобных высказываниях рассматривается в какой-то степени в общественно-социальном плане. Она помогает разобраться в окружающем социальном устройстве, понять, что хорошо и что плохо, указывает пути к общественным изменениям. Аналогичным образом говорил о роли науки Чернышевский в авторецензии на «Эстетические отношения искусства к действительности»: «Наука (знание, размышление, опытность) дают ему (человеку — *П. Р.*) средства понять, какие явления действительности хороши и благоприятны для него, потому должны быть поддерживаемы и развиваемы его содействием, какие явления действительности, напротив, тяжелы и вредны для него, потому должны быть уничтожены или по крайней мере ослаблены для счастья человеческой жизни; наука же дает ему и средства для исполнения этой цели».[34]

Однако сотрудники «Русского слова», почти буквально повторяя Чернышевского, видимо, искренне считая, что они пропагандируют его взгляды, на самом деле довольно существенно отличались от него. Для Чернышевского слово «наука» — прежде всего употребленный по цензурным соображениям синоним «революционного мировоззрения»; «средства» же, даваемые «наукой», — революционная перестройка общества. В «Русском слове», даже тогда, когда идет речь о благотворном воздействии науки на будущее общественное устройство, слово «наука» понимается в прямом его смысле. Прежде всего здесь подразумеваются естественные науки. Именно о них говорит Писарев в статье «Наша университетская наука», объявляя, что все материальное благосостояние человечества зависит от развития естественных наук; чем более бы людей занимались ими, тем лучше была бы жизнь, тем скорее погибло бы старое (№ 8, с. 52).

Редакция настойчиво популяризирует естественно-научные знания. В «Библиографическом листке» рецензируется большое число работ по естествознанию (см. например, № 7, с. 50, 52, 57, № 8, с. 58 и др.). Пропаганда естественных наук была связана с

---

[34] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. II, М., 1949, стр. 117.

материалистическими тенденциями, иногда несколько вульгарно-прямолинейными, с борьбой против идеализма. В «Русском слове», как и в «Современнике», высмеивается Юркевич с его нападками на материализм. В «Библиографическом листке» № 5 помещена рецензия на «Естественную историю мироздания» с примечаниями К. Фогта, переведенную на русский язык А. Пальховским. Автор рецензии указывает, что материалистические произведения Фогта, Бюхнера, Молешотта для русских читателей — предмет почти недоступный, «в некотором роде плод с древа познания добра и зла. Вкушать его могут только достаточно вооруженные от соблазна» (с. 61). К последним рецензент относит Юркевича, Каткова и др., которые выступают против материализма, пытаясь «разрушать это учение и доказывать, что представители его — просто идиоты» (с. 62), пользуясь тем, что им нельзя возражать, что легко ругать теории, «осужденные на безмолвие» (с. 62). В рецензии говорится, что примечания Фогта в русском переводе сильно исковерканы; «рассуждения его выкинуты, вероятно, потому, что крайне нелепы и дики», — саркастически замечает автор (с. 62). О переводе Фогта подробно говорится и в статье Шелгунова «Земля и органическая жизнь» (№ 8). В журнале высмеивается религиозное осмысление природы (например, «Библиографический листок» № 7, с. 44, 59, № 8, с. 58). Оценивая книгу Кэрби и Спэнса «Естественная теория насекомых», рецензент иронизирует над теорией божественного предопределения всего происходящего, с точки зрения которой провидение создало насекомых для наказания человечества (№ 7, с. 42—50).

Наиболее важной задачей современности сотрудники «Русского слова» считают расширение человеческих знаний, знаний «истинных свойств предметов»; «от знаний зависит прямо возможность увеличения материального благосостояния и улучшение быта человека во всех отношениях», — утверждает Шелгунов в статье «Условия прогресса» (№ 6, с. 12). Именно с развитием знания связывается будущее счастливое общественное устройство: «Человек, развившийся при условиях вполне благоприятных для его развития и владеющий всеми знаниями, от которых зависит его материальное благосостояние, есть совершенный человек своего времени <...> И когда человечество во всем своем объеме дойдет до того, что каждый отдельный человек достигнет такого развития, то на земле явится общее благоденствие» (там же, с. 15). В какой-то степени в статье Шелгунова речь идет не только об уровне знаний, но и об условиях, «вполне благоприятных для его развития», т. е. об условиях социальных. Но пути создания этих условий опять-таки связываются с развитием знаний. В отличие от Чернышевского, «наука» не только не является синонимом революционного мировоззрения, но иногда прямо противопоставляется революции. Так, в № 5, в «Библио-

графическом листке», говоря об острых социальных противоречиях современного общества, рецензент весьма опасается всяких революционных потрясений: «Счастье будет для нашей блистательной цивилизации, если зло разрешится путем науки, если те, которым выгоден этот порядок, сумеют добровольно и всецело отказаться от этих выгод» (с. 74). В ином случае рецензент предвидит самые губительные последствия: «Не далеко, может быть, падение этой второй цивилизации, если она не будет во-время спасена наукой» (там же). «Внутренние неурядицы», возникающие в процессе борьбы свободного труда и рабства, по мнению рецензента, «гораздо пагубнее внешних войн» («Библиографический листок» № 7, с. 40).

Возлагая свои надежды на развитие науки, сотрудники «Русского слова» отнюдь не тешили читателей иллюзиями, что счастливого будущего устройства можно будет добиться сравнительно просто и скоро. Так, в статье «Убыточность незнания», говоря о будущем обществе, о роли науки, Шелгунов писал: «Но могут пройти еще десятки веков, пока кончатся войны <...> пройдут десятки веков, пока кончится экономическая неравноправность; где же нам, людям настоящего, ждать этого далекого будущего? Правда и то...» (№ 5, с. 40). Этими словами заканчивается статья Шелгунова. Автор понимает закономерность подобных вопросов, невозможность удовлетвориться перспективами отдаленного благополучного будущего, но иного ответа дать не может. По его мнению, «изменения ожидать нельзя, пока знающие люди не составят численного большинства» (там же). Об «общем благоденствии», «о таком слишком отдаленном счастье в наше время не следует даже и мечтать, потому что этим отнимется время от занятий более полезных» (№ 6, «Условия прогресса», с. 15). Пока же следует всеми средствами увеличивать количество мыслящих людей, число развитых мозгов, так как каждая страна и все человечество «идет тем скорее вперед, чем развитее <...> мозг каждого отдельного человека и чем он деятельнее участвует в общем стремлении к достижению материального благосостояния» (там же, с. 24). В России задача еще скромнее: там нет возможностей для дела; остается только, «спокойно сидя, сочувствовать» (№ 9, «Библиографический листок», с. 46). Подобные мысли высказаны и в «Домашней летописи» № 11—12: «Сидя у моря, нам приходится снова ожидать погодки. Ну, и подождем — ведь мы привыкли ожидать по передним разных милостей» (с. 44).

Сотрудничество «Русского слова» отнюдь не удовлетворяла подобная перспектива, поэтому размышления такого рода были далеки от оптимизма. Но иного выхода не было видно, отсюда — ориентировка на расширение круга демократической интеллигенции, мыслящего пролетариата, на развитие высшего образования, основанного на естественных науках. Отсюда некоторое пренебрежение к народным школам, которые, по мнению «Русского

слова», все равно не способны дать подлинного знания; утверждения, что России нужны не такие школы, а университеты и т. п.

Ориентировка «Русского слова» на путь науки была утопична. Но она вовсе не означала усиления либеральных тенденций. И не к принятию буржуазного устройства вела она, как указывалось выше, а скорее к народничеству. Редакции же «Современника» все это представлялось отступлением от революционно-демократических идей, поворотом к либерализму, пропагандой «чистой науки» и т. п. Сама она искала выход из тупика на иных путях. Выше уже говорилось, что общие рассуждения о реформах, об их несостоятельности, характерные и для «Русского слова», в «Современнике» повернуты в сторону выяснения положения русского пореформенного крестьянина.

Тема крепостничества, тяжелой крестьянской жизни постоянно затрагивается в той или иной форме: «Скованный Прометей» в переводе М. Л. Михайлова, «Миша и Ваня» Салтыкова-Щедрина (№ 1—2), «Питомка» и «Ночлег» В. А. Слепцова (№ 7, 11), «Записки хуторянина» Н. М. Мазуренко (№ 3), «Обитатели села Лыкова» Комоневского (№ 7) и др. Неоднократно говорится о рабстве негров, причем, как и прежде, материал ориентирован и на Россию. Так, в «Политике» № 7 с симпатией говорится о действиях северян, противников рабства в Америке. Но в то же время упоминается о нерешительности правительства Линкольна, «которое с ужасом отклоняется от всякой крайней меры, старается во всем придерживаться золотой середины и через это вредит интересам своего справедливого дела более, нежели все армии Юга» (с. 66). Обозреватель «Современника» высмеивает политику, стремящуюся к тому, «чтобы и овцы были целы, и волки сыты» (с. 67). Он раскрывает несостоятельность надежд на то, «что посредством уступчивости можно что-нибудь сделать с плантаторами южных штатов» (с. 68). Несомненно, подобные рассуждения были ориентированы и на Россию.

Неоднократно обращается «Современник» и к проблеме образования и воспитания народа. Эта проблема как-то затрагивалась и в «Русском слове». Так, в «Библиографическом листке» журнала Благосветлова (№ 10) резко критикуется псевдонародная литература (И. Н. Кушнеров, А. Ф. Погосский, В. А. Золотов), осуждается «Хрестоматия для простолюдинов», составленная Г. П. А-чем. В «Домашней летописи» № 11—12 крайне иронически говорится о странствующих народных учитителях, которые сравниваются с юродивыми, с суздальскими богомазами (с. 47). Острие подобных выступлений направлено против религиозного, реакционного образования, против официальной псевдонародности, против стремления к такому образованию, которое воспитывает в народе благонамеренность и благонравие. Но, справедливо осуждая всякого рода псевдонародность, «Русское слово» не ставит вопроса о том, как организовать образование

народа, отодвигает эту задачу в далекое будущее, а в качестве потребности сегодняшнего дня выдвигает задачу увеличения числа образованных, мыслящих разночинцев. Так одна задача заменяется другой. «Русское слово» приходит к выводу: лучше, чтобы народ был неграмотным, чем чтоб он учился по книгам, ныне предназначенным для него.

По-иному ставится вопрос об образовании народа в «Современнике». Здесь, как и в «Русском слове», осуждается современное состояние народного образования, псевдонародные книги, предназначенные для чтения «простолюдинов». Ярким образцом такого осуждения может служить рецензия Щедрина на книгу В. Львова «Сказание о том, что есть и что была Россия» (№ 10), статья В. Слепцова «Попытки народной журналистики» (№ 3). Однако «Современник» не ограничивается такой критикой. Он систематически возвращается к вопросу о том, каким *должно быть* народное образование. В № 7 напечатана статья Пыпина «Исследование крестьянской грамотности по деревням». В ней разбирается отчет В. А. Золотова, осматривавшего по поручению министерства народного просвещения сельские школы. В отличие от «Русского слова», «Современник» хвалит Золотова, его исследования о народной школе. В статье Пыпина говорится о необходимости обучения народа, о том, что это обучение не следует отдавать в руки духовенства, учить народ по церковным книгам. Золотов привлекает рецензента тем, что не является сторонником церковного образования. В статье с одобрением упоминается об его букварях, книгах для народа. В № 5 за тот же год помещена статья Пыпина «Наши толки о народном образовании». Здесь с сочувствием говорится о педагогических собраниях, посвященных вопросам народного образования, о воскресных школах. Пыпин осуждает учительские съезды, проводившиеся по предписанию начальства, например, в Харьковском учебном округе, но сама идея учительских собраний в статье приветствуется. По мнению автора, можно утверждать на опыте воскресных школ, что народ стремится к образованию, а общество готово содействовать ему в этом стремлении. Пыпин намекает на то, что обстоятельства, препятствующие развитию воскресных школ, «были скорее внешние, чем внутренние» (с. 59). Поэтому лучший залог успешного развития народного образования — изменение этих «внешних обстоятельств» (с. 72). Аналогичные вопросы затрагиваются и в рецензии Пыпина «Отчет члена Главного правления училищ Воронова . . .» (№ 6).

Педагоги, о которых с сочувствием говорилось в «Современнике», не принадлежали к революционно-демократическому лагерю, более того, они нередко занимали видные места в системе официального просвещения (А. С. Воронов и М. М. Могилянский — члены Главного правления училищ, В. А. Золотов — ревизор министерства народного просвещения). Но редакцию «Со-

временника» привлекал тот фактический материал, который содержался в их отчетах, ориентация на светское, а не религиозное воспитание народа, само внимание к проблеме народного воспитания. Это отнюдь не означало, что «Современник» готов был ограничиться тем, что́ предлагали Золотов и ему подобные. Во «Внутреннем обозрении» № 3 Г. З. Елисеев, останавливаясь на вопросе о народных школах и критикуя проект устава о народных училищах, писал, что лишь свободное народное обучение, в сочетании с общинным устройством, с свободой сходок, т. е. с демократизацией всего деревенского уклада, может привести к благотворным результатам. О способности народа к образованию, о необходимости изменения общественных условий, как залоге подлинного образования, идет речь во «Внутреннем обозрении» № 1—2. К вопросу о народном образовании, книгах для народа журнал обращается в статье Пыпина «Народные сказки, собранные сельскими учителями» (№ 9). Пыпин хвалит сказки, собранные одним из сотрудников Л. Толстого по Яснополянской школе и представляющие собою запись литературных опытов крестьянских ребят. Такие сказки, по мысли Пыпина, — хороший материал для первоначального чтения. Если предположить, что обучение народа должно ограничиться грамотой, таких книжек достаточно. Но, по Пыпину, задачи образования народа более серьезны. Недостатки книг для народа зависят от ряда более общих причин. К этим причинам Пыпин относит положение литературы: «Для литературы остаются закрытыми целые области знаний, и она <...> еще не приобрела возможности говорить об известных предметах» (с. 89). Пыпин объясняет низкий уровень «народной» книги не только плохим знанием ее авторами народа, но и какими-то «иными причинами». Для появления подлинно народной книги, по мнению Пыпина, необходимо изменение этих причин, другое общественное устройство. Нужна и подготовка народа к восприятию такой книги, народные школы, находящиеся под влиянием и контролем общества, не похожие на те, за которые ратуют мнимые защитники народности. Народная книга должна воспитывать народ, а не снижаться до его уровня. Наконец, литература для народа «должна ближайшим образом войти и в самые интересы народа, в его собственный быт и отношения» (с. 94).

Как понимала редакция «Современника» последнее, можно судить по статье Пыпина «Старые недоразумения» (№ 7). Возражая против славянофильских тенденций, против ориентации литературы на фольклор, Пыпин считает, что «общение» с народом вовсе не в том, в чем его видят славянофилы. Человек, желающий подлинной связи с простолюдинами, должен «уважать и в народе те человеческие права, какие он признает вообще» (с. 33). «Оторваться от народа — значит перестать понимать его положение и перестать интересоваться им» (с. 33). Разрыв с народом, по

Пыпину, определяется фактами классового угнетения (закрепощением крестьян в XVI—XVII веках и т. п.). Истинное же общение с народом «главнейшим образом имеет общественный и экономический смысл» (с. 34). Пыпин говорит, что писатели, не обращавшиеся непосредственно к народной поэзии, могли, тем не менее, быть весьма близки народу, «находить самый серьезный интерес в его жизни и желать ему полного общественного права» (с. 34). К таким писателям Пыпин относит Новикова и Радищева, трагедия которых объясняется тем, что они переросли уровень общественного развития. Радищева Пыпин относит к тем писателям, которые «проводили свое убеждение до его последних выводов» (с. 34), говоря о «необходимости освобождения крестьян» (с. 35). Именно также писатели — образец подлинного сближения с народом.

«Современник» не идеализировал народа. В свете событий 1862—1863 годов стали особенно заметны народная пассивность, темнота, — все те качества, которые обеспечили победу реакции. Об этих качествах говорится в «Современнике». Так, во «внутреннем обозрении» № 12 Елисеев приходит к выводу, что народ, возможно, чужд всякого прогресса, длительное время совсем не развивается. Елисеев цитирует стихотворение Некрасова «На Волге»:

«Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и нынче увидал:
Все ту же песню ты поешь,
Все ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Все та ж покорность без конца . . .
Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!»

Процитировав стихотворение Некрасова до слов: «Как он, безгласно ты умрешь, Как он, безвестно пропадешь», — Елисеев замечает уже от своего имени: «Быть может, впрочем, что поэт и прав. Быть может, мы сделали совершенно ложное предположение, допустив, что крестьянин нашего времени стал выше крестьянина, жившего назад тому два века» (с. 330).

О темноте и пассивности народа ставился вопрос и в рецензии Пыпина на статью В. Ламанского «Михаил Васильевич Ломоносов». Ламанский утверждал, что великие деятели всегда развивают народные начала, которые в потенциальном виде имеются в народе. Пыпин не согласен с такой точкой зрения; он говорит о косности народа, его бездеятельности: «Исторически из-

вестно, что народные массы долго могут оставаться почти в одном и том же положении, не подвигаясь вперед, всего чаще задавленные внешним гнетом и стесненными обстоятельствами» (№ 5, с. 117). Пыпин считает, что прогрессивное развитие далеко не всегда зависит от бессознательного народного начала, что оправдание последнего ведет к признанию status quo. Стихийному, консервативному народному началу противопоставляются передовые общественные идеи. Лучшие люди, замечательные мыслители, по словам Пыпина, «доходили в своем развитии до понятий, противоположных не только тому, что считается народным представлением, но и понятиям большей массы так называемого образованного общества» (с. 118).

О несостоятельности многих народных движений говорится и в связи с обзором революционных событий в Греции («Политика» № 8). Ватсон утверждает, что в данном случае «движение, начатое народом, привело к тем же жалким результатам, как и другие народные движения, предпринятые в последнее время» (с. 144).

Все это непосредственно перекликается с точкой зрения «Русского слова». Следует, конечно, учитывать, что в той или иной оценке могли сказаться личные мнения того или иного сотрудника «Современника», что возможны оттенки взглядов, расхождения в отдельных выводах. Но, учитывая все это, необходимо признать, что подобные высказывания приемлемы для редакции, не противоречат направлению журнала, что они встречаются в статьях ведущих сотрудников.

Народ изображен темным, пассивным, не сознающим своих интересов и в ряде рассказов, напечатанных в «Современнике». Например, в сцене Наумова «У перевоза» говорилось, между прочим, о том, как барин избил паромщика и как реагировали на это мужики: «Аж народ-то все животики надорвал: вот как он его взбутил!» (№ 11, с. 191).

Но все же редакция «Современника» не потеряла веры в народ, в его потенциальные силы. Поэтому она решительно протестует против изображения народа лишь как темной, дикой и пьяной массы, лишенной человеческих чувств. С этих позиций в журнале критикуется драма Писемского «Горькая судьбина». Автор рецензии, Щедрин, упрекает Писемского в том, что он ориентировался лишь на внешние признаки народа, изображая мужиков дураками, пьяницами, бахвалами. Народ, по словам Щедрина, масса темная, но совсем не низшей и не иной породы, чем люди образованные. Нельзя считать эту массу «сплошь грубою, нелепою или пьяною» (№ 11, с. 95). Жизнь образованных классов, по Щедрину, неразрывно связана с жизнью народа, является производной от нее.

Редакция «Современника» осуждает славянофильскую идеализацию народа, неоднократно полемизирует с газетой «День»,

высмеивая толки об особых качествах русского мужика, идеи «национального мистицизма», «историческое фразерство», романтизацию древней Руси (см., например, статьи Пыпина «Наши толки о народном воспитании», № 1—2; «Древняя Русь», № 11). Но, отвергая те «непреложеные народные начала», которые славянофилы приписывали народу, редакция «Современника» вовсе не отрицала национальных основ. Она лишь стремилась доказать, что европейское развитие, образование народа, уничтожение того, что устарело, вовсе не противоречит таким основам, народным началам (см., например, статью «Древняя Русь»).

Официальной версии о верноподданнических настроениях крестьян, о неразрывной связи народа и царя «Современник» противопоставлял свое истолкование событий. Если «Русское слово» в какой-то степени приняло официальную версию и на этом основании осудило народные движения, то «Современник» стремился доказать, что народ весьма далек от тех верноподданнических чувств, которые стремились ему приписать (отклики Щедрина на брошюру Громеки «Киевские волнения...», позднее рассказ Слепцова «Свиньи») [35].

Но особенно значимы для выяснения отношения редакции «Современника» к народу щедринский цикл «Наша общественная жизнь» и примыкающий к нему очерк «В деревне». Не случайно, полемика «Современника» с «Русским словом» завязалась как раз вокруг вопросов, затронутых в первую очередь в «Нашей общественной жизни». В хрониках шла речь о качествах народа, о его роли, о необходимости длительного и планомерного его воспитания, без чего всякие надежды на осуществление революционно-демократического идеала останутся прекраснодушной иллюзией.

Проблема народа занимает в хрониках «Нашей общественной жизни» важное место уже в 1863 г. Много говорится в них об условиях народной жизни, крестьянского труда. Щедрин затрагивает эту тему в апрельской хронике, полемизируя с очерками А. Фета о деревне. Сатирик иронизирует над теми, которые завидуют «счастливым поселянам» [36]. Он рассказывает о той тяжелой, мучительной работе, которую совершает русский крестьянин изо дня в день. Подробное описание «труда тяжкого и изнурительного, каким вообще представляется всякий труд деревенский» (с. 449), дает Щедрин и в очерке «В деревне» («Современник», № 8). Он перечисляет ряд крестьянских занятий, раскрывая,

---

[35] Статью Салтыкова-Щедрина о брошюре Громеки и наши примечания к ней см. в кн.: Салтыков, Собр. соч., т. 5, М., 1966, стр. 395—399, 656—657. Упоминание имени Громеки в связи с киевскими волнениями см. там же, т. 6, стр. 208. Рассказ Слепцова «Свиньи» напечатан в № 2 «Современника» за 1864 г.

[36] Салтыков, Собр. соч., т. 6, стр. 65. В дальнейшем ссылки на этот том в скобках в тексте.

какой тяжелый труд связан с каждым из них (сенокос, сушка сена, добыча торфа, заготовка дров и т. п.). Писатель вновь высмеивает идиллические представления о крестьянской жизни, «миленькие картинки», изображающие в радужных красках судьбу счастливых мужичков: ««Сельское дело» — не веселое дело, читатель! <...> в сельской жизни нет ни прелестных пейзажей, ни восхитительных tableaux de genre, а есть тяжелый и невзрачный труд» (с. 461). Об этом труде говорит сатирик и позднее, в февральской хронике «Нашей общественной жизни» за 1864 г., стремясь «создать такую статистику <...>, от которой отдавало бы запахом трудового человеческого пота» (с. 265). По мысли Щедрина, крестьянин — центральная фигура «сельского дела», столь важного для России. Именно крестьянские хозяйства, а не помещичьи усадьбы, «могут служить и ядром, и житницей — в этом вам служит порукою, например, Вятская губерния. В этом крае помещичьих хозяйств очень мало, а в некоторых уездах и совсем нет, — и представьте же себе, он не только снабжает хлебом целый беломорский край, но даже огромную пропорцию отпускает через архангельский порт за границу!» (с. 67). Мысль о том, что, развивая экономику России, нужно ориентироваться на крестьянские хозяйства, сформулирована здесь весьма отчетливо.

Щедрин неоднократно повторяет, что при естественных условиях развития общества сельским хозяйством способен и должен заниматься лишь тот, «кто в это дело может поместить свой собственный труд» (с. 67). Сформулировав эту мысль в апрельской хронике, Щедрин возвращается к ней в очерке «В деревне»: «Деревенское дело выгодно и занятно только для того, кто принимает в нем участие непосредственным своим трудом. Да, не командованием только, не «печалованием», а именно личным, тяжелым трудом» (с. 450). Аналогичные мысли встречаются и в февральской хронике за 1864 г.

Вопрос о судьбе крестьянина, причем не в отдаленном будущем, а сейчас, является, по Щедрину, центральным вопросом русской жизни. О крестьянине нужно говорить всерьез, с полным уважением к его тяжелому труду, не умиляясь, не приседая и не впадая в меланхолию (с. 278).

Писатель видит те отрицательные качества, которые характерны для темного и забитого русского мужика. Тот и в ногах помещика «гнусно валяется» (с. 67), и пьет безобразно (с. 464—465), и говорит бестолково, беседует «отрывисто и маловразумительно» (с. 467). На сходке мужики лишь размахивают руками, «положительно ничего не понимают» (с. 457), послушно подчиняются помещику и управителю, мечтают лишь о том, как бы выпить (с. 458—459, 464). Они неграмотны. На призывы автора употреблять штрафы не на водку, а на школу или другое общеполезное дело, слышится всегда «одинаковый, лаконичный ответ:

дерма́-то!» (с. 465). Мужицкие забавы, веселье, часто грубы и безобразны (с. 467—468). Но, говоря обо всем этом, Щедрин акцентирует мысль о том, что подобные качества вызваны условиями жизни: «Для чего же он валяется? Для того ли, что у него уж такой вкус, или для того, что он обстоятельствами к тому вынужден?» (с. 67).

Размышляя о том, что народ не виноват в своих недостатках, темноте, пассивности, встречались и в «Русском слове», но там делался иной акцент: не на том. что мужик не виноват, а на том, что он темен и пассивен, что нельзя на него возлагать надежд. В «Современнике» же, в «Нашей общественной жизни» Щедрина, акцент делался на том, что «не виноват». При этом подчеркивается, что только с народом, при всей его темноте и пассивности, могут связываться какие-то надежды на будущее. Показывая несостоятельность либерального общественного движения второй половины 1850-х гг., мелкость идеалов, несостоятельность решений, Щедрин в майской хронике «Нашей общественной жизни» за 1863 г. противопоставляет этому «движению мелочей и подробностей» (с. 80) подлинную силу, другую жизнь, «которая не изнашивает так скоро созревших в ее недрах запросов, но, напротив того, с неумолимою логикой проводит их до конца» (с. 85).

Эта сила — сила народа, единственная реальная сила, позволяющая, по Щедрину, не терять почвы под ногами. С ее действием писатель связывает освободительную борьбу «смутного времени», деятельность Минина. Проявление той же силы писатель видит в реформе 1861 г. Обращение к теме реформы, вероятно, определяется отнюдь не цензурными соображениями[36а]. Но дело и не в примирительном отношении к реформе, как может показаться на первый взгляд (это бы противоречило всей сумме высказываний Щедрина о том, что «яичница» осталась той же самой, что она лишь немного подправлена и т. п.: см. с. 292—293). Для Щедрина важно другое: освобождение крестьян, пусть даже в той урезанной и уродливой форме, в какой оно осуществилось в 1861 г., в конечном итоге, — не результат инициативы правительства и дворянства, а следствие силы народа, ее давления на правящие классы. Именно народная сила, по Щедрину, несмотря на «неблагоприятные условия», на «всю забитость и безвестность», «произвела всю реформу» (с. 85). Делая подобные выводы, отнюдь не исключавшие критического отношения к реформе, Щедрин был глубоко прав.

Свои размышления о народе писатель подчеркнуто отграничивает от официального патриотизма, от высказываний реакционно-либеральной журналистики, тоже писавшей о «смутном вре-

---

[36а] См.: Е. Покусаев, Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы, Саратов, 1957, стр. 165.

мени», реформе, Минине. Говоря о роли последнего в русской истории, он добавляет: «Я знаю, читатель, что ты думаешь. Ты думаешь, что я вот-вот сейчас начну говорить о польском вопросе <...> Ты ошибаешься, однако ж; я не стану говорить о польском вопросе» (с. 86). Рассуждения сатирика подводят к выводу, что если кто-либо хочет изменить существующие условия, задумывает «что-нибудь вроде возрождения», то он должен «обращаться за материалами не к наемным болтунам <...>, а в то место, где таковые материалы действительно обретаться могут» (с. 86), т. е. к народу. Такая точка зрения перекликалась с установками Чернышевского, Добролюбова, свидетельствовала о верности принципам революционного демократизма, хотя в ней и сказались специфические особенности нереволюционной ситуации.

То, что народ в настоящем большей частью пассивен, редко проявляет свои потенциальные возможности, по мнению Щедрина, дела не меняет. Сатирик называет «обманом чувств» мнения, отрицающие силу народа, роль народных движений в истории: «Часто мы думаем, что этой силы совсем нет, на том только основании, что она редко и сдержанно проявляет себя» (с. 86). Писатель считает, что те, которые думают, будто «родник жизни иссяк, что творческая сила ее прекратилась» (с. 88), думают и судят поверхностно. К этой силе, по Щедрину, необходимо обращаться, стремясь к деятельности, так как любая деятельность, если она не ориентируется на народ, «если она ищет себе опору инде, то эта деятельность пройдет мимо, каковы бы ни были ее намерения» (с. 88).

Подобная точка зрения была направлена не только против сторонников существующего порядка, видящих в истории лишь результат действия «официальных» исторических лиц, различного масштаба «градоначальников» (отсюда тянутся нити к «Истории одного города»), но и против позиции, защищаемой «Русским словом», против отрицания народных движений теми, которые заботятся о «насаждении правды на земле» (с. 88). И те, и другие, по мысли Щедрина, склоняются к теории внешней истории, внешнего прогресса. Такому «прогрессу» Щедрин противопоставляет внутреннюю историю, подлинную историю, определяемую, хотя часто и незаметно, движением народных масс. Наличие этой истории позволяет не поддаваться пессимизму, сохранять веру в будущее, при всем понимании неблагополучия окружающего, сознании бессилия, сетованиях «об ошибках и неудачах» (с. 87): «Итак, не станем приходить в отчаянье, а будем верить. Жизнь не останавливается и не иссякает. Если горьким насильством не суждено ей проявиться непосредственно, она просочится сквозь те честные сердца, которые воспримут семя ее и сторицею возвратят ей посеянное» (с. 88).

Отчетливо представляя слабости народа, его темноту, пассивность, не возлагая надежд на близкое пробуждение народа, на революцию, Щедрин тем не менее продолжает говорить о необходимости разъяснения несостоятельности существующего порядка. Он требует такого разъяснения, считая, что для масс «некоторое вразумление и поучение еще очень и очень не лишне» (с. 150). По мысли Щедрина, массе, темной, невежественной, нелегко разобраться в окружающем. Она готова долго удовлетворяться им, не понимая, что существуют более разумные основы, на которых может быть построено общество. Но, «несмотря на всю ограниченность целей, преследуемых массами, положение этих последних вовсе, однако ж, не таково, чтобы даже и те простые и будничные явления, в которых выражается их жизнь, можно было объяснить себе какими бы то ни было положительными законами» (с. 151). Масса готова удовлетвориться сравнительно немногим, но даже этого немногого она не может получить в рамках существующего порядка. Сама жизнь толкает массу к поискам выхода из существующего положения, «выдвигает толпу из состояния непосредственности и самодовольства», «вводит в сферу других жизненных вопросов, более обширных и глубоких» (с. 151). Но разобраться в этих вопросах массе трудно, поэтому «именно и необходимы те вразумления и поучения, о которых я сказал выше» (с. 151). Такие «поучения» должны помочь массе понять ненормальность окружающего, наметить какие-то пути. Останавливаясь на последнем вопросе, Щедрин говорит о плодотворном значении утопий, о необходимости и полезности «тех отвлеченных представлений, которые в понятиях толпы неправильно слывут под названием призраков» (с. 155). Существование таких «призраков» «является совершенно необходимым до тех пор, пока жизнь не выработает достаточно материалов для другой, более положительной деятельности» (с. 152). Осуждает сатирик и стремление, существующее в массе, относиться «ко всякому акту геройства» (подразумевается, в первую очередь, деятельность революционеров — *П. Р.*) «с некоторою игривостью» (с. 152), называть «геройство безумством» (с. 152). Щедрин считает, что «при нормальном состоянии общества» «геройство упраздняется совершенством и нормальностью самой общественной комбинации», при других же условиях «оно упраздняется только силою вашей немощи» (с. 152). В подобных вопросах массе необходимо помочь разобраться.

Щедрин далек от того, чтобы признать разумными все стремления масс, оправдать любые положения, лишь только потому, что они высказаны от имени массы, отражают уровень ее сознания, ее интересы сегодняшнего дня. Он понимает, что именем народа спекулируют многие, что «самый обман масс может быть совершен только именем их самих» (с. 188). Понимает писатель и то, что, «бывают такие моменты в истории человечества, когда

массы самым странным и грубым образом ошибаются насчет своих собственных интересов, когда они являют самую жалкую зависимость и самое горькое неразумие (с. 188). В такой обстановке «деятель, который осуществление интересов большинства считает главной задачей своих усилий», не может опускаться до уровня массы, служить тому, во что она, по своей темноте и неразумию, верит: «И как бы я ни был предан массам, как бы ни болело мое сердце всеми болями толпы, но я не могу следовать за нею в ее близоруком служении неразумию и произволу» (с. 189). Такого рода рассуждения самым непосредственным образом перекликались с выводами Базарова, его ответом на обвинение Павла Петровича, будто бы новые люди идут «против своего народа»: «А хоть бы и так? <...> Народ полагает, что когда гром гремит, это Илья пророк в колеснице по небу разъезжает. Что ж? Мне соглашаться с ним?»[37] Перекликаются они и с многими положениями «Русского слова», с высказываниями Писарева, со статьей Зайцева о Сориа и др.[38]

Но имелась здесь и существенная разница, отграничивавшая рассуждения Щедрина от выводов «Русского слова». Писатель призывает не забывать о современном уровне народа, но не для того, чтобы, разочаровавшись в массах, отвернуться от них, подобно сотрудникам «Русского слова», а чтобы сделать наиболее плодотворной свою деятельность среди масс. Этому вопросу Щедрин придает большое значение. В ноябрьской хронике «Нашей общественной жизни» изображен престарелый ученый, который жалуется автору, что «мальчишки» занимаются политикой и науку не признают. Щедрин согласен с «мальчишками» в том, что «ваша наука восемь тысяч лет живет, и все-таки толку от нее ни для кого ни на волос не оказалось» (с. 172—173). Видимо, рассуждения «детей» о науке, весь раздел «Говорят, будто бы вы плохо учитесь, дети?» — отклик на статью Писарева «Наша университетская наука», опубликованную в №№ 7 и 8 «Русского слова» за 1863 г. Щедрин солидаризируется с мыслями Писарева о несостоятельности всей системы образования. Но он полемизирует с ним по вопросу о практических путях действия. Писарев предлагает положить в основу образования математические и естественные науки. В то же время он не видит никаких возможностей, делающих реальным такое преобразование, выводящих его из сферы мечты. Щедрину же кажется, что имеется путь борьбы с устоявшимися представлениями, и об этом пути, считает он, «необходимо поговорить поподробнее» (с. 173). Он вспоминает о «науке», которая утверждает, «что земля на трех рыбах стоит», и замечает, что есть «общественные сферы», в которых

---

[37] И. С. Тургенев, Собр., соч. в 12 тт., т. 3, М., 1954, стр. 214.

[38] См. о близости Салтыкова и Писарева в кн.: Е. Покусаев, Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы, Саратов, 1957, стр. 234—240.

эта наука действует (с. 173—174). «Дети», по мнению сатирика, питая справедливое презрение к такой «науке», часто, являясь в среду, которая эту «науку» признает, не могут скрыть своего презрения и с омерзением говорят: «Какую это вы все чушь городите! Ну, есть ли в том здравый смысл, чтоб земля на трех рыбах стояла!» А то и ни слова не говорят, а просто отворачиваются и отходят прочь «от этой полоумной толпы, которая верит в каких-то трех рыб, и не знает, что земля кругла и несколько сжата около полюсов» (с. 174). Слова Щедрина о «трех рыбах», возможно, как-то связаны с тургеневским романом «Отцы и дети». Вокруг этого романа велась ожесточенная полемика, в которой принимал участие и Щедрин. Герой тургеневского романа, Базаров, разговаривая с мужиками и подтрунивая над ними, упоминает о мире, стоящем на трех рыбах: «Излагай мне свои воззрения на жизнь, братец, — обращается он к мужику, — ведь, в вас, говорят, вся сила и будущность России, от вас начнется новая эпоха в истории <...> Ты мне растолкуй, что такое есть ваш мир <...> и тот ли это самый мир, что на трех рыбах стоит?»[39]. Когда крестьянин отвечает ему, что это земля стоит на трех рыбах, Базаров, «презрительно пожал плечами и отвернулся»,[40] не замечая, что в глазах мужиков, которых он презирал за темноту, он был «чем-то вроде шута гороховаго...»[41]. О подобном презрительном отношении к народу говорит в «Нашей общественной жизни» и Щедрин, возможно, непосредственно ориентируясь на тургеневскую оценку. Характерно, что в оценке базаровского отношения к народу, высказавшегося в приведенном эпизоде, Щедрин, имел он в виду эту сцену или нет, солидарен с Тургеневым. По мнению сатирика, такое отношение характерно для круга «Русского слова», столь восторженно встретившего Базарова. Люди этого круга, уйдя в кабинет, с самодовольством рассуждают, что они неизмеримо выше тех, которые думают будто мир стоит на трех рыбах. Но пользы от такого кабинетного уединения не много. Оно лишь помогает сторонникам «фараоновой веры» в трех рыб «заполонить мир» (с. 174), так что не только протестовать, но и объясняться становится невозможно: «Меня даже никто не спрашивает: почему ты в трех рыб не веришь? а просто говорят: да как ты смел в трех рыб не верить?» (с. 175). Не расходясь с сотрудниками «Русского слова» в целях, считая, как и они, что нужно «затушить старый светильник и возжечь на место его новый» (с. 176), Щедрин полагает, что необходимо применять те средства, которые приведут на этом пути к наиболее реальным результатам, «ибо <...> не одна сущность дела роль играет, но и манера» (с. 176)). По Щедрину, следует

---

[39] И. С. Тургенев, Собр. соч. в 12 тт., т. 3, М., 1954, стр. 352.
[40] Там же.
[41] Там же, стр. 353.

учитывать современный уровень народного и общественного сознания, чтобы постепенно изменить это сознание, подводя массы к пониманию несостоятельности фараоновой науки о «трех рыбах». Именно в такой деятельности, использующей любую реальную возможность борьбы за воплощение революционно-демократических идеалов, зовет писатель новых людей. В этом — смысл его рассуждений о «чаше» в январской хронике» «Нашей общественной жизни» за 1864 г. (с. 231). Салтыков говорит, что «чаша», о которой мечтают «птенцы», давно стоит на столе, но те не сумели ею воспользоваться. Вряд ли правомерно видеть в «чаше» символ революции, которую прозевали «птенцы». Но так же ошибочно, вероятно, истолковывать рассуждение о «чаше» как результат либеральных колебаний, готовность удовлетвориться административным служением. Не случайно сразу же за разговором о «чаше» следует упрек «птенцам» за то, что они начинают относиться с некоторой игривостью к «жизненным трепетаниям» (с. 233). Видимо, и здесь слова «жизненные трепетания» не являются символом революции (скорее имеется в виду пренебрежительное отношение сотрудников «Русского слова» к народным движениям, к силам народа), но и в духе оправдания либерального административного служения истолковать их вряд ли возможно. Именно стремлением делать реальное дело, имеющее конечной целью осуществление революционно-демократических идеалов, а не отказом от них, определяются рассуждения Салтыкова о «чаше», о «жизненных трепетаниях», о необходимости «поставить свою деятельность на почву реальную», «взойти на возвышение» (с. 329, 251), о тюкалинском городничем и белебеевском исправнике (с. 328—329).

Эти рассуждения были во многом утопичны. Они представлялись сотрудниками «Русского слова» отходом от революционного демократизма, проповедью постепеновщины, либерального административного служения. На самом же деле такие рассуждения, при всей утопичности их в деталях, вызваны были не отказом от борьбы, а стремлением вести борьбу с наибольшими шансами на успех, «чтобы сделать победу возможною» (с. 373). Поэтому позднее, в 1864 г., возникает вопрос о необходимости организации, о делении на инициаторов и чернорабочих. Вряд ли Щедрин имеет в виду конкретное близкое создание нелегальной революционной организации на тех основаниях, которые он излагает. Речь скорее идет об общем, принципиальном решении вопроса[42] Практический же вывод из рассуждений Щедрина об организации таков: оправдываются люди страстной мысли, утописты, мученики и герои, создающие возвышенные отдаленные идеалы, готовые пойти за свою мысль на эшафот (характерно,

[42] С.: Е. Покусаев, Салтыков-Щедрин в шестидесятые годы, стр. 190—194; С. А. Макашин, В борьбе с реакцией, «Лит. наследство», № 67, М., 1959, стр. 337—38; он же в кн.: Салтыков, Собр. соч., т. 6, стр. 669—670.

что, говоря о таких людях, Щедрин называет имя Фурье — стр. 362); писатель восхищается жизненным подвигом этих людей, считает, что жертвы, приносимые ими, отнюдь не бесплодны (стр. 367—368); идеалы, сформулированные такими людьми, возвышенны и прекрасны, но воплощение этих идеалов в жизнь самим людям мысли не под силу: слишком далеко вперед смотрят они, слишком чисты и не приспособлены к реальной жизненной борьбе, с ее грязью, насилием, необходимостью компромиссов; идеалы, сформулированные людьми мысли, должны, по Щедрину, воплощаться в жизнь «чернорабочими», которые смогут учитывать конкретные условия, не бояться компромиссов, соприкосновения с «низменной» действительностью; «чернорабочие» — люди дела, ориентирующиеся на современность, использующие все средства, дающие плодотворный результат; но «чернорабочие» имеют в душе идеал, сформулированный людьми мысли, и именно во имя этого идеала ведут они борьбу; стремление к его достижению определяет все их действия. Сам Щедрин, видимо, относит себя к таким «чернорабочим». Во всяком случае, та программа практической деятельности, которую он противопоставляет «гадливому отношению к действительности» (стр. 329), характерному, по мысли Щедрина, для сотрудников «Русского слова», как раз рассчитана на подобных «чернорабочих». Только они, и только вне отрыва от народа, могут делать какие-то конкретные шаги по пути реального воплощения этого идеала.

Естественно, что, столь серьезно расходясь в важных принципиальных вопросах, оба журнала рано или поздно должны были вступить в прямую полемику. В скрытом виде она завязалась с самого начала 1863 г. На свой счет должны бы были принять сотрудники «Русского слова» высказывания Щедрина о презрении к массам, себялюбивой брезгливости мысли, высокомерном отношении к жизни (стр. 539). Эти высказывания из окончания январской хроники «Нашей общественной жизни» за 1863 г. не появились в журнале, что, возможно, отсрочило начало открытой полемики.

Аналогичные нотки слышались в статье Антоновича «Литературный кризис» (№ 1—2). Здесь, между прочим, шла речь о людях, которые считают, что в искусстве, в науке «жизнь и житейское благосостояние <...> должны стоять на втором плане» и тогда «все сделается само собою» (стр. 94). Эти люди утверждают, что наука должна развиваться, не обращая внимания на жизнь. Критика Антоновича направлена против сторонников «чистой науки», но потенциально в ней содержится будущее осуждение точки зрения «Русского слова».

В № 4, в «Свистке», уже прямо говорилось о «Русском слове». Замечая, что многие журналы пошли по следам «Свистка», Антонович упоминает и «Русское слово». Оно, «несмотря на свою суровость и даже некоторого рода мрачность, тоже усиливалось

подражать «Свистку» в «Дневнике Темного человека», который, воображая, что сущность свиста заключается в стихах, просто измучил читателей громадным количеством своих стишков, и воспевал в стихах, часто весьма дубовых, такие события, которые не стоили бы самой пошлой прозы» (с. 7).

Осуждается то осмысление романа Чернышевского «Что делать?», которое было характерно для сторонников «Русского слова». Роман появился на страницах «Современника» в 1863 г. Естественно, что редакция была, в основном, солидарна с Чернышевским. Еще до появления романа (он начал печататься с № 3) в статье «Литературный кризис» (№ 1—2) Антонович выступал против нападок на «теорию ощущений» (с. 96). В № 10, в статье Пыпина «Premiers-Moscou газеты «День»» высмеивались выпады славянофилов против книги Чернышевского. И в то же время в «Современнике» встречаются высказывания, осуждающие отдельные частности романа, те частности, которые позднее Щедрин квалифицирует как «произвольную регламентацию подробностей». Так, во «Внутреннем обозрении» № 10 говорилось довольно подробно об изображении женщины в романе «Что делать?» Такие женщины, по мнению обозревателя, появятся через 1000 или 500 лет, но для настоящего времени представляют «чудовищную идеализацию» (с. 403). Мимоходом о «Что делать?» упоминается и в статье Жуковского «Затруднения женского дела». Мастерские Веры Павловны, общество женского труда, с точки зрения автора, «хотя очень милые сами по себе вещи, но плохие средства для устройства женского дела» (с. 294). Мы не останавливаемся на вопросе, насколько верны были такие высказывания. Важно другое: они были направлены против выдвижения на первый план менее существенных сторон романа Чернышевского.

Осуждение «Современника» все чаще встречается и в «Русском слове». В «Перлах и адамантах» № 4, там где говорится об ошибочной оценке «Записок из мертвого дома», о «чернилах с вице-губернаторского стола» (это высказывание считают обычно началом полемики), упоминается с осуждением статья «Современника», автор которой, якобы, требует разделить ученых-материалистов по нациям (с. 4). Здесь же, с похвалой выделяя «Современник» из числа других журналов, Зайцев замечает, что и в нем есть свои перлы и алмазы (стр. 4). В отзывах о «Думах и песнях» Минаева (№ 4) Антонович ставится в один ряд с Громекой. В № 5, в «Дневнике темного человека», высмеивается стихотворение Берга «Солдатики», помещенное в «Современнике (стр. 10—11). В «Дневнике темного человека» № 9 упоминаются люди, которые читают разом «Русский вестник» и «Современник» и «только потому отличают один журнал от другого, что у них обертки разные» (стр. 2). Высмеивается здесь, конечно, в первую очередь, определенного рода читатель, не умеющий от-

личить «Русского вестника» от «Современника». Но в какой-то степени бросается тень и на содержание самого «Современника». Не сопоставлено же, для примера всеядности читателя, с «Русским вестником» «Русское слово». В № 11—12, в «Дневнике темного человека», автор иронизирует над «присяжным поэтом» «Современника» П. М. Ковалевским, над гражданской тематикой его стихов, над тем, что он «из гражданских веревочек свивает лирические песни» (с. 99).

В декабрьской хронике «Нашей общественной жизни» Салтыков-Щедрин помещает свои рассуждения о превращении «нигилистов» в «титулярных советников» (с. 220). Аналогичные мысли сатирик высказывал и ранее, но акцент у него был иной.[43] Теперь же острие выступления Щедрина направлено против тенденций «Русского слова». В январской хронике утверждения о «нигилистах», превратившихся в «титулярных советников» повторяются (с. 134), сопровождаются прямой критикой «Русского слова». Полемика вступает в новый этап, становится открытой, все более ожесточенной.

---

[43] См.: П. С. Рейфман, Щедрин и Чернышевский, Уч. зап. ТГУ, вып. 209, Тарту, 1968, стр. 355.